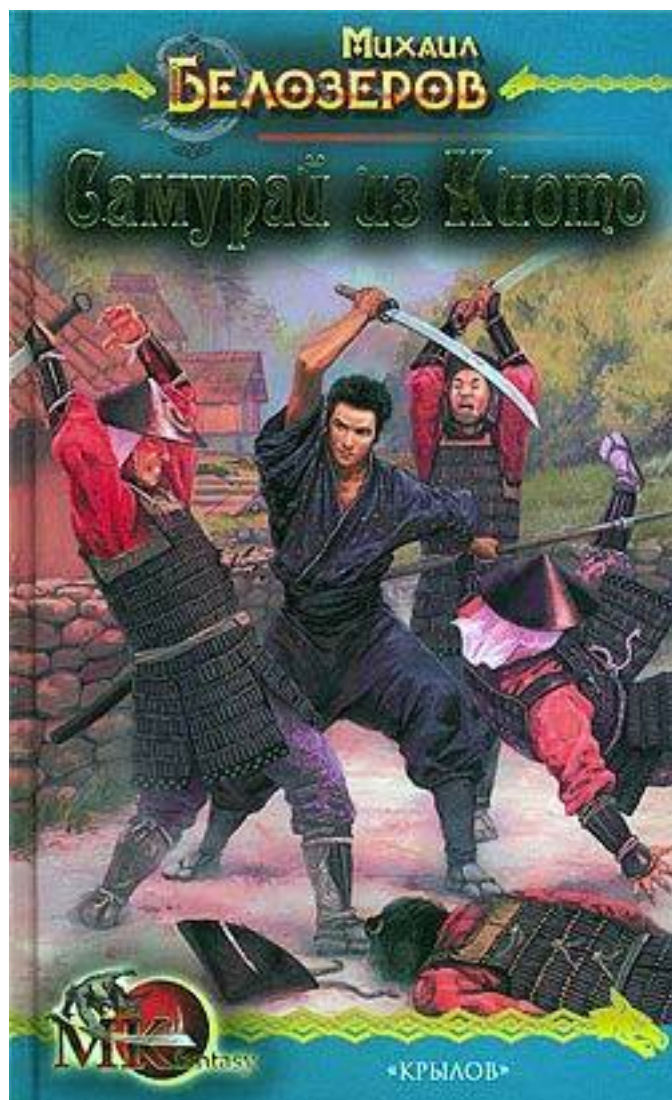

МИХАИЛ
БЕЛОЗЕРОВ

Самурай из Киото

Mik Fantasy

«КРЫЛОВ»

Самурай из Киото

Михаил Белозёров
Самурай из Киото

«Автор»

2008

Белозёров М. Ю.

Самурай из Киото / М. Ю. Белозёров — «Автор»,
2008 — (Самурай из Киото)

Япония, XII век. На чужой берег волна выбрасывает юношу по имени Натабура. Из клана, разбитого в грандиозном морском сражении, он – единственный выживший. Путь на родину долог и труден. Натабуре предстоит обрести верных друзей, но могущественных и свирепых врагов он будет встречать гораздо чаще. Бесстрашие, воинская выучка, природные сила и ловкость хороши в схватке с противником из плоти и крови, но всего этого мало для победы над неуязвимыми монстрами, которыми кишит волшебная страна Чу.

© Белозёров М. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Белозеров

Самурай из Киото

Меня зовут Натабура из рода Юкимура дома Тайра. Это конец моей истории и начало вашей.

Глава 1

Страна Чу

Ленивая зеленая волна, напоследок зашипев, словно змея, приподнялась и выплеснулась на берег. Прежде чем впасть в забытие, Натабура успел заметить густую траву, бамбуковые крыши на взгорке и голубые горы за ними.

По-прежнему качало – вверх-вниз, вверх-вниз, но к привычной уже морской болезни добавились странные звуки, раздающиеся то ли в голове, то ли в реальности: словно звенели сотни мечей и одновременно дико кричали люди. Стены крепости Ити-но-тани рухнули, подняв столбы искр, придавив и разбросав воинов Тайра, а ринувшийся среди прочих в пролом оскалившийся Окабэ Иномата ударил Натабуру – оглушенного и беспомощного – тяжелой нагинатой в грудь, с небывалой легкостью пробив двойной панцирь, кольчугу и специальную шелковую ситаги. В торжестве замахнулся, чтобы отсечь голову, но сразу куда-то провалился. А Натабуре от кровавого пота стало так жарко и так захотелось пить, будто он, тоскуя, искал смерти и наконец нашел ее. Но, к удивлению своему, продолжал дышать, хотя испытывал тиснение в груди, и даже пошевелился, переходя в иное состояние бодрствования. А потом с облегчением понял, что это всего лишь один из снов-кошмаров о Ити-но-тани, которые преследовали его все эти дни в океане. Попробовал было открыть глаза, но дальше мыслей об этом дело не пошло. Тогда он справедливо решил, что ранен и что за ним сейчас придут, и стал терпеливо ждать.

Прошло полдня. Горы окрасились закатом. Ветер переменялся и задул с моря, из которого вылез каппа и, с опаской поглядывая на деревню, подкрался к человеку. Он давно уже его причуял и ждал только темноты. Внимание каппы привлекли лук, колчан со стрелами и железные браслеты. Каппа хрюкнул от удовольствия и принялся разоблачать утопленника. Особенно ему понравился пурпурный шелковый пояс оби с золотыми драконами. То-то можно покрасоваться в морских пучинах!

Человек вдруг застонал и пошевелился. Песчинки осыпались с его лица, и кожа порозовела. Каппа подумал, что человека можно и придушить, все равно не жилец. Но знак кётэ на его груди заставил каппу остановиться. Не то чтобы он боялся – ха! кто узнает в этой пустыне?! Да и хозяин на побережье один! Просто он окончательно не успел обнаглеть, хотя знал скорый гнев господина Духа воды – Удзи-но-Оса. Так серьезно каппа закон еще не преступал, а преступать закон всегда страшно. Была не была! – решил он и потянулся к знаку.

В этот момент кособокая арба, которая двигалась вдоль песчаного берега, взобралась на дюну. Огромные колеса мерно скрипели. Волы равнодушно двигались, пережевывая жвачку. У одного из них в ноздре висело медное кольцо, второй имел бельмо на глазу и тянул влево. Старик в соломенной шляпе курил маленькую трубку и напевал что-то бесконечно тягучее. За спиной у него лежали сети и дневной улов.

Арба преодолела дюну и покатила вниз, увязая в песке. Каппа заметил ее слишком поздно. С досады дернул раз, другой – не справился, оборвал лишь веревочную перевязь колчана и бросился под берег. Да и куда еще можно было бежать с награбленным?

– Стой! Стой! Стой, говорю! – крикнул старик и осекся.

Каппа был тут как тут. Его жабья морда расплывалась до ушей. Не суйся не в свои дела, читалось на ней. А то как... Впрочем, каппе мешало награбленное, да и людей он старался лишний раз не тревожить, хотя знал свою безнаказанность.

Убедившись, что это всего-навсего старый рыбак, каппа даже не стал демонстрировать ядовитый коготь, которого крестьяне боялись пуще смерти, а, мешковато подпрыгивая на коротких лапах, отправился в ближайшую рощу, чтобы зарыть свои богатства.

– Поганец морской... – проворчал старик в сердцах и в последний момент, когда каппа уже проскользнул было мимо, тукнул его веслом по темечку как раз в то место, где зеленая чешуя торчала хохолком.

Тюкнул скорее от досады, чем от злости, потому что каппа вечно нарушал неписанный закон: все, что находится вне воды, принадлежит деревне. А еще каппа рвал сети и таскал из них рыбу.

То ли удар был силен, то ли каппа исподволь признавал свою неправоту, только он завещал, как испуганная свинья, и, не оглядываясь, скрылся в зарослях тасобаноки.

Старик почувствовал себя победителем. Весело посасывая пустую трубку, он глянул каппе вслед и удовлетворенно хмыкнул: «Разорви тебя гром!», дождался, пока не затихнет верещание, кряхтя, слез с арбы, поднял лук с колчаном, бросил поверх сети и, оставив там же шляпу, поплелся к утопленнику. Дело было привычное: половина того, что находилось при нем, отходило деревне, половина – нашедшему. Никто не оставался внакладе. А похоронят утопленника здесь же недалеко – на песчаной косе, где находилось кладбище для чужаков, которых отдавало море.

Утопленник оказался мальчишкой с черными длинными волосами, занесенными песком, с непривычно обритым лбом и в богатой каригине пурпурного цвета. На груди, под воротом, золоченый знак Удзи-но-Оса. Ишь ты! – опешил старик. Откуда он здесь?! Вроде шторма давно не было?! Озадаченно посмотрел на море, словно лицезрел его впервые: как бы чего не вышло из-за такой находки. Человек со знаком Удзи-но-Оса не мог быть обыкновенным смертным. Значит, в любом случае надо донести старосте – куш может выйти приличный, а можно и лишиться последнего. Не каждый день море выносит такого утопленника. А если еще окажется, что он из Чертогов!..

Старик, умудренный жизнью, уже не радовался, а сокрушенно качал головой – плохо только, что каппа опередил. Один этот факт мог быть поставлен в вину, да и шелковый пояс тянул на три мешка кукурузной муки. Досадно. «Наму Амида буцу!..»¹ – прошептал старик и принялся за дело. Перевернул мертвеца на спину, чтобы снять знак кётэ, сыромятный ремешок которого крепко запутался в волосах. Жаль мальчишку.

Черты утопленника показались старику удивительно знакомыми. Хм... Даже не успел заколечеть. Руки и ноги гибкие и теплые от солнца. Даже лицо не такое, как у покойника...

Вдруг ресницы у мальчишки затрепетали. Старик испуганно отпрянул, подслеповато щурясь – не ошибся ли? И растерянно произнес: «Когима... Когима... вот кого я привел...» А потом что есть сил бросился к арбе.

Натабура нарочно притворялся мертвым. Он давно услышал нетвердые шаги и, конечно, почувствовал чужие руки, когда его обыскивали и переворачивали. Наконец за ним пришли. Должно быть, враги! Кто еще может быть на вершинах крепости?! Сорвали колчан со стрелами. Вначале показалось, что смердит водяным. Теперь добрались до знака кётэ. В любом случае он хотел встретить опасность лицом к лицу, но, к своему ужасу, даже не мог шевельнуться, а только застонал и вдруг с равнодушием покойника подумал, что смерть эта очень странная, что такой смерти вообще не бывает и что отныне его голова будет украшать стены императорского дворца Киото.

Однако прошло достаточно времени, а голову никто не отрубил. Старик, от которого пахло старостью и рыбой, отсутствовал целую вечность. За это время Натабура забыл о нем и успел снова побывать во вселенской давке на берегу с другой стороны Ити-но-тани, чтобы найти себе достойного противника в лице все того же Окабэ Иномата, который искал знатный трофей из разбегающихся воинов Тайра. С презрением глядя на паническое бегство, в диком упоении Натабура подумал: «Пусть я найду смерть не в суете, а в бою, как подобает бусидо!» И

---

¹ Преклоняюсь перед тобой, Будда Амида!..

услышал, как его окликают: «Эй! Кто ты?! Назови себя!» Он развернул лошадь, хотя вряд ли имел преимущество в конном бою. Но природная ловкость помогла и в этот раз. Окабэ Иномата демонстрировал родовой зеленый панцирь, плечи его защищали фигурные листы содэ, разукрашенные золотистыми осаами. Его меч, поводья коня и седло были отделаны чеканным золотом, а стремяна оторочены ярко-желтой шкурой яка.

Они столкнулись на узкой полоске берега. Окабэ Иномата, как более опытный боец, рассчитывал на правый удар. Он привстал на стремянах, выкрикивая свои титулы: «Я Окабэ Иномата! В десятом поколении потомок Рёнгэ Иномата из Каваками! Один стою тысячи воинов!», и прикрыл левый бок содэ, полагая, что обрушит весь свой вес и силу удара на голову противника. Натабура же пришпорил коня с такой яростью, что тот мгновенно перешел в карьер. За миг до этого Натабура перехватил меч левой рукой, и поэтому упреждающий удар получился резким – кончиком кусанаги. Учитывая движение коня, Натабура не только опередил Окабэ Иномата, а просто снес и содэ, и кольчугу-нарукавник, причем шелковые шнуры лопнули, как гнилые нитки, и Окабэ Иномата практически лишился руки. Его швырнуло на правую сторону, и, если бы не поводья и стремяна, он бы рухнул наземь. Левый бок окрасился кровью. Шлем слетел с головы. Нодова, прикрывающая шею, оторвалась и повисла на ремне. Натабура развернулся на пяточке, топча свою и вражескую пехоту, которая бросилась врассыпную, и готов был добить Окабэ Иномата, как кто-то резко потребовал:

– Пей!

Кисловатая жидкость из бамбукового сосуда была похожа на разбавленное вино. Натабура почувствовал, как она течет по подбородку; несколько капель проникли внутрь, обжигая желудок, который много дней не знал ничего, кроме морской воды. Потом услышал странный звук, похожий на его собственный стон. «Если это небесный гокураку, – удивленно подумал он, – то я не знал, что в нем потчуют вином, а если это подземный хабукадзё, то разве я заслужил его?»

Впрочем, ему было как никогда хорошо. Сквозь ресницы он разглядел темнолицего старика в пиратской косынке на голове и с жидкой седой бородкой, которую тербил ветер. Старик не был врагом, но не был и другом, а скорее чем-то неуловимо походил на учителя Акинобу – таким, каким Натабура его видел в последний раз на пороге храма Курама-деру. Акинобу вручил ему перед битвой кусанаги и повторил первую заповедь: «Не обнажай без надобности, а если обнажил, то будь быстрее молнии». «Это было так давно, что я не помню, когда именно», – думал Натабура.

Должно быть, он снова впал в забытие и очнулся от скрипа арбы. Его слегка мутило от вина и усталости. Пахло рыбой, мелькали спицы, покачивало, и казалось, что злые волны и холодный ветер все еще несут его по бескрайнему морю. Бог войны – Хатиман – пожалел, отвел все стрелы, а Бог морских волн – Сумиёси – не взял в качестве слуги в свой подводный дворец – Рюгу. Что и говорить, мне повезло, соображал Натабура. Ему казалось, что он все еще лежит в горах, крепость не пала, а стрелы, пущенные с обеих сторон, поют на все лады. Только он не знал, когда за ним придут, чтобы отрубить голову, и придут ли вообще.

Странно, что дарованная жизнь принимает совсем неземной вид: с тех пор он часто ходил в дивную горную страну Чу посмотреть, как бессмертные играют в сугоруку. И каждый раз, пока он следил за игрой, истлевал его колчан, рассыпался лук, а все его близкие, и их дети, и дети их детей умирали от старости. Иногда бессмертные играли душами смертных. Но результат неизменно был одним и тем же – все его оружие превращалось в прах, одежда сгнивала, а близкие люди отправлялись в область за Луной, из-за которой появлялась сухопарая старуха, которая поила горьким отваром и зеленым чаем. Ее невыщипанные брови и морщинистое лицо казались самыми уродливыми. Натабуру охватывал ужас. Он пытался найти свой меч, чтобы сражаться, но не мог даже шевельнуться, он пытался бежать, презрев кодекс самурая, но не знал куда. И тогда из бесконечно далекой дали прилетали хищные рогатые призраки – кабики

и уносили его в самые глухие дебри и ущелья дикой и страшной страны Чу, откуда не было возврата. Много времени он пребывал в ней, не в силах найти выхода.

Наступила осень, звон мечей в голове прекратился, и в один из дней Натабура очнулся. Все было знакомо: и прокопченный потолок, и оконце, затянутое слюдой. «Учитель...» – обрадовался он. Взгляд скользнул по балкам очага, и разочарование охватило его. Это не был родной монастырь. Старуха, которую он боялся пуще неволи, пекла сладкие каштаны. Тотчас она бросила в огонь чашку желудей в знак того, что болезнь отступила, сунула Натабуре моти – толстую кукурузную лепешку с сочной курятиной, специально приготовленную для такого случая, большую чашку с бульоном и выбежала за стариком, который развешивал рыбу на террасе у моря.

– Садако!.. Садако!.. – Ветер уносил ее слова в сторону, а ноги едва преодолевали ноздреватые ступени. – Он открыл глаза!!! – В ее голосе слышалась неподдельная радость.

«Я должен проснуться и уйти», – подумал Натабура и, хотя его все еще душил кашель, впервые провалился в сон без кошмаров, где не было призраков морской крепости Ити-нотани, Окабэ Иномата, бессмертных и ревущего на все лады моря.

Когда Садако с Когимой вбежали в хижину, он уже спал. Когима забрала из его рук пустую чашку и любовно укрыла одеялом.

– Вот в кого превратился наш Масатоки... – сокрушенно прошептала она и словно помолодела на десять лет.

– Да... – со вздохом согласился Садако, вытирая руки о фартук, – если бы только этот мальчик действительно был нашим сыном... – и с грустью посмотрел на Когиму.

* * *

Он проснулся ближе к вечеру от чих-то взглядов. Кроме старухи, которая пряталась за фусума – раздвижной перегородкой, – в черном углу, на чистой половине находились двое. Старик, который вез его на арбе, сидел на голом полу, а второй, моложе, но с заметным брюшком, в круглой черной шапочке и в хаори цвета небесной зари, в одинаковой мере похожий и на кёрая, и на даймё – смотрителя земель, пил чай с подставки.

– Я староста деревни – Канрэй Синтага, – сказал он, заметив, что Натабура открыл глаза. – А вы кто? Это ваш знак кётэ?

Он даже не решился притронуться к знаку из опасения совершить ошибку, которая могла стоить жизни. Жирный указательный палец безвольно застыл в воздухе. Кто знает, что представляет собой этот изможденный юноша с потускневшими глазами и свалывшимися волосами. Является ли он, согласно знаку кётэ, придворным господина Духа воды – Удзи-но-Оса или же попал сюда прямо из столицы. Чертоги давно породнились с Водным царством. К тому же придворные – большие чудаки, они горазды кататься по морю в легкомысленных лодчонках, которые легко переворачиваются. А может быть, это чья-то злая шутка, направленная на проверку бдительности, и кто-то метит на непрестижную, но сытую должность старосты? Сотни предположений мелькали у него в голове, пока он смотрел на чудом выжившего утопленника.

– Я Натабура из рода Юкимура дома Тайра, сейса, – приподнялся Натабура, полагая, что все этим все сказано, и надолго закашлялся.

Это была ложь. Во благо и спасение. А долгий кашель – попытка скрыть смущение. Но даже за эту ложь могли убить. «Где я? Что со мной? Надо держать язык за зубами», – решил он.

Староста, ни о чем не догадываясь, терпеливо ждал, думая, что обо всех происшествиях подобного рода следует доносить одзия – главе округа. Конечно, одзия захочет урвать себе большую часть славы, а в случае неудачи все битые горшки свалит на бедную голову старосты. Но таково положение вещей, ничего не поделаешь. А перепрыгнуть одзию – себе дороже, можно лишиться доходного места, если не живота.

– Хм... – сдержанно удивился староста. – Я не знаю такого дома. Впрочем, я не столь сведущ... – добавил он вкрадчиво, на всякий случай кисло улыбаясь.

Его темное обветренное лицо жителя побережья мало что выражало. Черные раскосые глаза в сетке морщин остались холодными и равнодушными. Сквозь редкие волосы просвечивал бугристый лоб и гребень, как у обезьяны, аккурат вдоль головы.

– Мой отец Санада – хранитель вод Столицы Вечного Спокойствия – Киото, – добавил Натабура с поспешностью, как человек, который боится выдать себя.

Не слишком высокая должность и безопасная с точки зрения приближенности к императору, но и не столь низкая, чтобы к тебе относились пренебрежительно. Фонтаны и озера, кувшинки и лилии не имели отношения к войне. Кому интересен чиновник, которому полагается всю жизнь иметь дело с армией рабочих, чертежами и мотыгами. При случае Натабура даже мог описать большой дом в Киото, который был завален свитками проектов и эскизов. Ему даже казалось, что он с детства знаком с запахами туши и краски, а слова «композиция» и «перспектива» имели для него вполне конкретное значение.

– Странно, – никак не отреагировал староста. – Простите мою глупость, может быть, вы принц? —

Он еще раз почтительно взглянул на знак Удзи-но-Оса и улыбнулся, выказывая редкие, щербатые зубы под щеточкой черных усов. – Может, в Чертогах произошел переворот?

И вдруг его резанула мысль – война. А мы ничего не знаем! Ох-ох-х!!! Надо собирать ополчение!

Улыбка ничего не означала. Это был элемент дворцового этикета – лицемерный, чтобы только скрыть мысли и как следствие – подлые поступки. И в Нихон любой из многочисленных принцев значил не больше, чем крестьянин в деревне, – головная боль императора, потому что любой из принцев готов был посягнуть на престол.

– Хоп?! А... нет, – твердо сказал Натабура, – я всего лишь один из самураев Тайра, сейса.

Староста Канрэй Синтага почти угадал. С той лишь разницей, что Натабура действительно был принцем, но не Чертогов, а последним внуком императора Тайра Киёмори и экс-императора Госирокава. Это была самая большая тайна, о которой не знал никто, кроме отца Натабуры – Тайра Такакуры, и учителя Акинобу, которому Натабуру отдали на воспитание в возрасте шести лет. Для того чтобы стереть воспоминания самого раннего детства, учитель Акинобу часто рассказывал Натабуре о выдуманном отчем доме. И постепенно Натабура стал думать, что он действительно сын хранителя вод. В памяти остались лишь смутные картины большой лаковой прихожей с подставкой для мечей и странная поговорка, которую любил повторять отец: «Рука охраняет голову». Таково было одно из условий воспитания Натабуры в горном монастыре Курама-деру. Натабуре даже казалось, что он вроде бы помнил, что мать называла его другим именем, но это было как давний-давний сон, само воспоминание о котором казалось сном.

Сердце Натабуры тягостно сжалось: предусмотрительный отец, должно быть, погиб, как погибли мать, сестры да и все придворные императора Тайра Киёмори. И хотя Натабура привык с малолетства к самостоятельной жизни и редко видел родных, разлука с ними показалась ему самым тяжелым испытанием. Никто из придворных дам теперь не выйдет после битвы на поле брани, чтобы отрезать головы любимым самураям, обмыть, оплакать, сделать им соответствующие прически и похоронить с подобающими почестями. Никто. Ибо война между родственными кланами на этот раз носила самый ожесточенный характер, и никто не хотел уступать.

– Не знаю я, что такое Чертоги, – признался Натабура. – Я из страны Нихон. – И снова надолго закашлялся.

– Нихон... – задумчиво произнес староста Канрэй Синтага, пошевелив толстыми, жирными пальцами. – Значит, ты иноземец... – сделал он вывод, переходя на ты.

С одной стороны, это упрощало дело. Если окажется, что такой страны не существует (а староста плохо знал географию), но мальчишка все же иноземный принц, то его со всеми почестями стоит отвезти ко Двору. Если же мальчишка украл знак кёте, то в лене старосты одним бесправным работником будет больше. Хотя последний вариант маловероятен. Впрочем, если все же в Чертогах произошел переворот и этот мальчишка – опальный принц, присвоивший чужое имя и выдумавший неизвестную страну, то за усердие старосту хорошо наградят: или за спасение высокого лица, или за своевременный донос.

– Я отправлю в столицу гонца... – Староста выжидательно замолчал.

Однако на лице мальчишки не дрогнул ни единый мускул – то ли он ничего не понял, то ли имел отменную выдержку. Старосту вдруг ужалила мысль: Натабура может быть шпионом из неведомой страны или из Ая! Тогда его бдительность будет оценена еще выше по государственному реестру Гуэмэ! Быть может... Староста задохнулся от волнения. Быть может, даже переведут на придворную должность, например, в тайную канцелярию! В любом случае он ничего не проиграет – если все сделает правильно. Сердце старосты чуть ли не выпрыгивало из груди. Это был шанс – единственный, неповторимый, который выпадает раз в жизни.

– Клянусь, это правда! – Казалось, Натабура уловил ход мыслей старосты и в отчаянии махнул в сторону моря в надежде, что жители деревни называли его страну по-другому.

«За голубыми, небесными горами, которые походили на горы Коя, прятался монастырь Курама-дэру, в котором я найду учителя Акинобу, – с тоской подумал он, – и все потечет по-прежнему, как в детстве. Однако, похоже, эти люди ничего не слышали ни о Тайра, ни о Минамото, ни о последнем великом сражении в проливе Дан-но-Ура рядом с островом Хонсю, да и вообще не имеют ни малейшего понятия о Нихон. Неужели меня вынесло в Корею? Нет, это не корейцы. Уж они-то знают о Киото. Во время странствий с учителем Акинобу мы не раз сталкивались с ними на западных границах страны, где они ведут обширную торговлю. У них есть чему научиться – корейцы славятся рукопашным боем и крепкими мечами».

– Там нет никакой земли. – Староста брезгливо взглянул в низкое окно, за которым солнце, освещая вечерние облака, падало в океан. Усы его возмущенно топорщились, а толстые, жирные пальцы нервно выбивали дробь.

Возникла пауза, в течение которой Садако и Когима безмерно страдали, а староста Канрэй Синтага готов был торжествовать, но по привычке боялся сделать ошибку.

«Должно быть, он не имеет понятия, о чем идет речь, – едва не рассмеялся Натабура, – а представляет себе море как огромную лужу, у которой не видно даже горизонта. Но все же есть резон усомниться – ведь я, судя по всему, переплыл этот горизонт и попал в неведомую страну. Пусть это будет моим маленьким-маленьким плюсом, о котором никто не догадывается. Пусть!».

 Сердце его наполнилось гордостью.

– Хорошо, – важно произнес староста, упираясь в колени жирными руками и с трудом поднимаясь, – поживешь пока у Садако, – он кивнул в сторону рыбака, – поможешь ему в хозяйстве. А потом поговорим...

И вышел, решил, что мальчишка слишком слаб, чтобы убежать. «А раз уж Садако нашел его, то пусть сам и кормит, и ухаживает, а я ему за это позволю ловить рыбу восемь раз в течение сэкки, что само по себе является великой милостью. Такова моя воля», – самодовольно подумал староста.

Довольный таким мудрым решением, староста Канрэй Синтага отправился домой, чтобы перед ужином выпить бутылочку сакэ и вкусить морских раков в укропном рассоле. «Завтра я пошлю лодку в Чертоги, – рассуждал он, – а к мальчишке приставлю своего человека, послезавтра, кто знает, я могу оказаться в Чертогах! Ха-ха... Дела наши грешные». Совесть его абсолютно не мучила, а душа была спокойна.

Неизвестно, о чем староста говорил с почтительно проводившим его Садако, но когда последний вернулся, то спросил с любопытством:

– Ты дзидай?

Таким образом он дал понять, что все, о чем говорил староста, не соответствует действительности или, по крайней мере, не имеет большого значения, во всяком случае, для него – Садако.

– Самурай! – уточнил Натабура, который устал от долгого разговора. – Или буси! Кими мо, ками дзо!

– А по-нашему – странствующий рыцарь. Они приходят оттуда. Не бойся, я никому не скажу, – наклонившись, Садако перешел на таинственный шепот, – даже Когиме... даже нашему старосте... хотя он и поручил мне за тобой следить. Ты очень похож на нашего сына Масатоки. Твой лук и колчан я отобрал у водяного и спрятал на чердаке. Староста одумается и будет рад видеть тебя в составе икки – нашего отряда самообороны. Выздоровливай быстрее. Нам нужны такие люди. Осенью с моря приплывают пираты. Мы сторожим с ночи до утра.

Натабура понял, что разговор идет о ронинах – так в Нихон называли праздно шатающихся людей, вооруженных дансё – большим и малым мечами. Во времена, когда запрещали оружие, они ходили с посохом, в котором прятали четырехгранный клинок. Ронины тоже являлись, когда созревал урожай. Очевидно и то, что Садако даже не слышал о Нихон. Натабура терялся в догадках: ни учитель Акинобу, который бывал и в Китае, и в Корее, ни отец, который учился искусству обустройства водоемов в этих же странах, никогда ничего не рассказывали о подобных землях.

– Скажи, что это за страна?

– Страна Чу, провинция Синтагэ, а деревня наша называется Вакаса.

– Хоп! Вакаса... Никогда ни о чем подобном не слышал, – признался Натабура, испытывая холодок к груди. Он понял, что все это время, каждую ночь, видел вещий сон, и, хотя в этих снах староста и не присутствовал, интуиция подсказывала, что он самый опасный человек в деревне.

– Скажи, а играют ли в вашей стране в сугоруку?

– Если и играют, то я не слышал о такой игре, – ответил Садако. – Я простой рыбак. Мой сын утонул пять лет назад. Вначале я решил, что море вернуло его нам. – Садако посмотрел в угол, где сидела Когима, и понизил голос до шепота, оберегая жену: – Ты так похож на него!

– Да-да... – грустно прошамкала из угла старуха, выказывая тонкий слух. – Очень похож... Только старше года на три.

– А есть ли в вашей стране бессмертные? – спросил Натабура.

– Это по направлению звезды Копье. Но ни один житель деревни не ходил в страну западных варваров – Ёми. Путь отсюда только морем. А столица наша лежит в трех дневных переходах на юг.

– В какой стороне эта звезда? – спросил Натабура.

– Она приходит ночью из-за самой высокой горы, похожей на верблюда. Но дороги туда нет. А если и есть, то нам она неизвестна.

Если бежать, думал Натабура, то надо знать куда. Он долго не мог уснуть, возбужденный новостями, которые узнал и от Садако, и от старосты. К тому же его все еще мучил кашель, как тяжелые воспоминания. «Много бы я отдал, чтобы очутиться дома». Он лежал, закутавшись в толстое одеяло и прислушиваясь к звукам деревни: лаяли собаки, куры устраивались на насесте, где-то под горой работала кузня, с гор налетал ветер, раскачивая бамбуковые рощи и путаясь в кронах сосен, и над всем этим шумело море. А Натабуре все сильнее и сильнее хотелось увидеть единственного близкого человека – учителя Акинобу. Но это его желание было как горизонт, к которому невозможно приблизиться. С этими горестными мыслями он и уснул.

Утром следующего дня, пошатываясь, он вышел взглянуть на мир и поймал себя на том, что по привычке изучает склоны гор с редкими елями, выискивая тропинки. Пожалуй, до трети можно было подняться осыпью, хотя осыпь не самый легкий и не самый безопасный путь.

Но выше горы и в самом деле торчали, как башни крепостей, и даже на перевал между ними невозможно было взобраться. «Впрочем, – с надеждой подумал Натабура, – бабушка надвое сказала, вдруг там все-таки есть козы тропы, а где есть тропы, там я обязательно пройду».

Деревня была большой и раскинулась в излучине горной реки, которая походила на Окигаву, протекающую через Киото. В центре находилась широкая площадь. Над крышами, между хижинами, аккуратными лоскутами полей, рощами бамбука и вечнозелеными купами юдзуриха поднимался дымок. Слышались голоса и лай собак. Мальчишки удили рыбу. А по дороге брели женщины с мотыгами на плечах. Его заметили, и он услышал:

– Гляди... гляди... давешний утопленник...

Натабура закашлялся, смутился и вернулся в хижину с мыслью: «Неужели я такой страшный?» В медном зеркале он увидел свое отражение и на всякий случай ощупал лицо, не узнав себя: на него взглянул худой, потусторонний лик, на верхней губе – черные усики, а на подбородке – пушок, к появлению которого он не был готов. Натабура хорошо помнил, что перед боем в морской крепости Ити-но-тани лоб у него был наголо обрит – как и подобает буси. Теперь же на него смотрел человек, у которого свалявшиеся длинные волосы висели до пояса. А когда он снял белую крестьянскую рубаху, чтобы умыться, то увидел, что можно пересчитать все ребра, а мышцы стали тонкими и плоскими.

– Ничего-ничего... – прошепелявила Когима, которая готовила еду в очаге, – и Конфуцию не всегда везло. Главное, что болезнь отступила, а мясо нарастет, – и захихикала, как болотная сова. Натабура застеснялся и спрятался за ширму. Уйду, решил он, уйду, завтра же!

– Не надо прятаться, – сказала она с ласковыми нотками в голосе, – от своих... Давай я тебя приведу в порядок, а потом искупаешься.

Она подстригла его большими ножницами для стрижки овец. Получилась петушиная прическа – жесткие волосы торчали в разные стороны. Затем приготовила баню, похожую на офуро – огромную бочку с цветками фиолетового мыльника. На раскаленные камни можно было плескать можжевелевую воду, а в крохотное закопченное окошко едва пробивался свет. После бани Натабура так устал, словно три дня и три ночи бегал в горах Коя. Едва добрался до постели и провалился в сон, а когда проснулся – это был все тот же дом. Он разочарованно повернулся на бок, чтобы взглянуть в окно: вдруг битва все еще продолжается и можно вернуться к товарищам. Однако морская гладь была пустыня. Лишь белые гребешки волн катились по ней. Захотелось сбежать вниз, посмотреть, вдруг кто-то валяется на берегу, но не было сил даже шевельнуться.

Когима накормила его, а он, все еще переживая битву и позор, снова уснул.

Прошло еще три дня, о двух из которых Натабура мало что помнил. Он просыпался, чтобы поесть, и засыпал, чтобы проснуться и снова поесть. Его сны были долгими и очень простыми. Натабура не знал, был ли он счастлив на пыльных дорогах Нихон. Он видел себя то в отрогах горах Коя, окружающих монастырь Курама-дэру, то с учителем Акинобу, бредущим в окрестностях какой-нибудь обители, которые они частенько посещали. Его сердце сладко сжималось, когда он узнавал очертания реки Поё-но, вытекающей из озера Хиёйн. Сколько лягушек и ящериц он переловил в детстве, исследуя ее берега. Сколько тайн открылось ему в ближних и дальних путешествиях. Он был счастлив в этих снах.

Добрая еда и уход сделали свое дело. По ночам Натабура уже не потел, как прежде. Голос окреп, а в движениях появилась былая уверенность.

Близился час змеи. Шелестели стебли хаги, и Садако собирался на рыбалку. Он нашел Натабуру за хижинкой, где тот грелся на солнышке.

– Пока ты спал, приходил староста. Он отправил гонца в столицу... – И замолчал, протянув Натабуре лук и колчан. – Осталось два дня...

– А не было ли у меня еще и меча? – обрадовался Натабура, не обращая внимания на слова Садако.

Он смутно помнил, что верный кусанаги, который подарил ему Акинобу, все время, пока его носило по волнам, был с ним. Много раз он порывался избавиться от него так же, как первоначально избавился от доспехов, которые тянули ко дну, но один и тот же голос, очень похожий на голос учителя, нашептывал, что кусанаги еще пригодится, что он ему послужит в долгом и опасном пути. Наверное, этот голос и не дал умереть.

– На тебе была шелковая каригина. А меч надо искать в море, – осторожно подсказал Садако, намекая на каппа. – Но торопись, гонец скоро вернется.

– Спасибо, сейса, – поклонился Натабура, – я все понял. Но чего мне опасаться?

Привычка быть настороже взяла свое. Ему нравился старик, но он боялся сказать лишнее.

– Тебя могут отвезти на рынки в Чертоги и продать южным или восточным варварам. Тебя могут казнить, посчитав шпионом, или послать до конца дней на поля убирать кукурузу. При условии, конечно, что ты не имеешь никакого отношения к Чертогам.

– Хоп... – покачал головой Натабура и улыбнулся. – Не имею... Кими мо, ками дзо!

– Плохо дело, – вздохнул Садако, – иначе бы тебе просто отрубили голову. Тогда я пришло к тебе Язаки – моего племянника. Он покажет окрестности, а если что, то и поможет выбраться из деревни. Но вначале нужно окрепнуть.

– Почему ты это делаешь? – спросил Натабура, с тихой радостью разглядывая лук и колчан.

– Ты похож на моего единственного сына. Нам со старухой недолго уже осталось, и в конце жизни мы хотим помочь тому, в кого превратился наш сын.

– Спасибо, сейса, – удивился Натабура, – я никогда не забуду...

Весь день ушел на починку лука и колчана. Вначале он очистил дровяк от песка и морской грязи и те места, где роговые пластины крепились к бамбуку, обмотал узкими полосками коровьей кожи, которая хранилась в овечьем пузыре вместе с кусочками воска. Этим же воском он натер деревянные части лука и дал воску размягчиться на солнце, а лишнее вытер сухой травой. В результате лук засиял, как прежде. Затем смотал с катушки запасную тетиву. Но сколько ни старался, натянуть не смог – лук был слишком тугим, а Натабура – слишком слабым. Обычно эту операцию проделывали двое или даже трое взрослых мужчин. Поэтому Натабура еще раз вытер лук, повесил сушиться в тень и занялся колчаном, который был чрезмерно большим. Он предназначался для морских сражений и обычно носился за спиной. Для дороги он будет слишком громоздким. Надо было сшить новый – не больше чем для десятка стрел, но выделанной шкуры у Натабуры не было, и он решил воспользоваться ивовой лозой.

У него было два лука: ханкю – короткий, который хотел украсть водяной, и дайкю – большой, из которого можно было выстрелить на четыреста пятьдесят шагов. Дайкю он потерял в тот момент, когда налетел ураган, да и путешествовать с ним было неудобно.

Во время сражения Дан-но-Ура Натабура служил десятником. Как и все самураи, он стрелял длинными тяжелыми стрелами с массивным плоским наконечником. Такие стрелы предназначались для пробивания бортов кораблей и пускались по настильной траектории. Если стрела попадала во всадника, то сбивала его с лошади. У них также были стрелы, которые воспламенялись в полете. Наконечник походил на соты, заполненные черным пористым веществом. Перед выстрелом стрелы окунали в жидкость, состав которой держался в большом секрете.

За пять дней сражения удалось сжечь и потопить три десятка лодок и восемь тяжелых кораблей Минамото, украшенных светло-зелеными вымпелами и знаменами. Кроме всего прочего, они охраняли флагманский корабль «Аматэрасу», над которым развевались пурпурные стяги.

Еще у них были стрелы для устрашения – завывающие в полете, как демоны. Личные стрелы-клеймо, чтобы пригвоздить к мачте вражеский знак. Стрелы для вызова на поединок. Стрелы для передачи посланий. Стрелы для разрывания шнуров-подвязок. И конечно, стрела-

невидимка, о которой много говорили, но которой никто никогда не видел до самого последнего момента, пока она не пробивала доспехи и не вонзалась в тело – тайное оружие монахов Ицукусима на острове Миядзима во Внутреннем море.

Боевой опыт Натабуры в крупных сражениях был ограничен Итаи-но-тани и Дан-но-Ура. Хотя, путешествуя вместе с Акинобу, он привык к поединкам. Поэтому его ввиду молодости не пускали в авангард, чтобы он не нашел себе более опытного противника. А в памяти от корабля остался лишь голос кантё – капитана, который яростно выкрикивал команды, скрип парусов, талей и страшный треск, когда начали падать мачты. Как и все его товарищи, Натабура не спал и не ел четверо суток и после бесконечного количества стычек, длительной погони и гребли валился с ног от усталости. В ночь, когда налетел ураган невиданной силы, на судне все были ранены или убиты. Морская вода, разбавленная кровью, колыхалась в трюме, медленно поднимаясь до уровня верхней палубы. И лишь Натабуру не коснулась ни одна вражеская стрела, и ни один меч противника не оставил на его панцире отметки, хотя они отбили три абордажные атаки и сами участвовали не меньше чем в десяти из них. Должно быть, ему отчаянно везло. Оказалось, что все, чему его учил Акинобу, было не только хорошо, а просто превосходно. Во-первых, стрелы Натабуры летели дальше, чем у его товарищей, а во-вторых, кусанаги был длиннее на целую ладонь. Это давало заметное преимущество в бою: стрелы попадали точно в цель, а кусанаги противник видел только в последний момент своей жизни.

Из пяти десятков стрел в колчане остались три легкие, с наконечниками в виде ивового листа, которые годились только для боя на коротких дистанциях против легковооруженного противника.

На следующее утро Натабура проснулся почти здоровым. Садако отправился рыбачить, а куда делась Когима, Натабура не помнил. Вдалеке шумело море, а за стеной степенно кудахтали куры.

Он выпил немного воды и ушел на взгорок за дом, где шелестящие заросли хаги скрывали его от посторонних глаз. Свежий ветер с моря приятно бодрил.

Здесь Натабура сделал то, чему его так долго учил Акинобу, – сел в позу дзадзэн и погрузился в состояние Бодхисаттвы, и веселые кабики оказались тут как тут. Восемь лет они учили его фехтованию кагэ – мысленной прорисовке поединков. Следовало знать двести школ. Натабура знал сто девяносто девять. И только школа полета – кэн-дзюцу – была ему мало знакома. «Я не хочу, чтобы ты слепо повторял за мной. Думай, как сделать лучше, чем я!» Так часто поговаривал учитель Акинобу. «Нет ничего значительнее энергии ки, но с одной энергией ки ты всегда проиграешь опытному противнику, поэтому будь подобен солнцу – развивай в себе все качества, даже те, которых у тебя еще нет». Достигнув сатори, Натабура десять раз повторил дыхательные упражнения икиай. И в конце он проверил свою реакцию – воспроизвел прием хо, который требует одним движением руки срубить стемель хаги толщиной в палец. На срезе выступили капли сока, а ладонь осталась сухой. Это было лучше, чем ничего, – для первого дня вполне достаточно. Единственное, Натабура не решился сделать гэндо – упражнение отпуски тени Аيي, отложив его на последующие дни. Он почувствовал, что еще не готов к этому, хотя тело помнило все то, чем он жил все эти годы. Слишком много энергии забирало гэндо. Впрочем, Натабура замечал, что болезнь даже пошла ему на пользу, потому он стал взрослее и крепче духом. Не всякий смертный способен уцелеть в морской битве и выжить после сражения с океаном.

Весь день Натабура провел за плетением колчана, используя в качестве основы иву и жесткую прибрежную траву, похожую на осоку. Ремень он взял со старого колчана, а низ и клапан обшил шкурой бобра. Теперь стрелам не был страшен никакой дождь. А налучие в виде кармана и петли позволило носить на колчане лук.

Оставалось еще одно дело, к которому Натабура не знал, как подступиться. Но помог случай. В полдень явился племянник Садако – Язаки, ровесник Натабуры:

– Ну как ты после вчерашнего?

Был он среднего роста, крепкий, короткопалый и круглоглазый, с короткими черными волосами, которые растеребил ветер. Из таких подростков получались пузатые, толстые бонзы, которые ходили в грубых кимоно цвета охры и читали сутры по индийской медицине. У него, как и у Натабуры, прорезались темные усики, а на скулах курчавилась редкая бородка. Язаки принес печеную тыкву с медом и с поклоном отдал Когиме:

– Мама сготовила... – Он постоянно что-то жевал и, передавая тыкву, проводил ее тяжелым взглядом.

Накануне они облазили окрестности, и Натабура испытал легкое разочарование, обнаружив, что столбовые горы действительно непроходимы: в них не было даже козьих троп. Подростки вернулись в деревню только глубоким вечером – усталые и голодные. Но Натабура был счастлив. Казалось, он побывал в окружении родных гор Коя.

– Помоги мне, – попросил он.

Вдвоем они, хоть и с большим трудом, все же натянули лук, с которым обычно Акинобу справлялся один. Новая тетива издавала чистый, серебристый звук. Натабура невольно обрадовался. Бежать надо, бежать, помечтал он.

– Расскажи, откуда ты приплыл? – спросил Язаки, когда они закончили и вволю насладились гудением тетивы – известно, что злые духи боятся этого звука.

– В моей стране такие же голубые горы, – вздохнул Натабура, откладывая в сторону лук. – Там большие города, быстрые реки, но не выращивают хагу.

– А что же вы едите? – наивно удивился Язаки, доставая из кармана сладкие стебли лотоса.

– Хоп! Мы высаживаем на полях рис и заливаем водой.

– Разве может такое быть? А пиявки?

Они вышли из хижины. Слева до горизонта расстилалось море. Над крышами деревни, как всегда, поднимались дымы. Правильными квадратами выделялись поля кукурузы, окрашенные, в отличие от бамбуковых рощ, в бурые тона. Судя по всему, община процветала.

– А море? Море у вас есть? – никак не хотел успокоиться Язаки.

Он расспрашивал второй день. Все-таки его задело, что страна, из которой принесло Натабуру, похожа на страну Чу.

– Хорошо, если ты не знаешь, – Нихон – это страна тысячи островов. Лучше покажи, где у вас в деревне живет водяной.

– Водяной?! – удивился Язаки. – Хм...

– Водяной.

– Хм... Везде... – Язаки показал на море. – Но скорее всего, – вдруг вспомнил, – сейчас он в бухте, где рыбаки вытаскивают лодки, – рыбу ворует. Постой! Постой! А зачем тебе? Ты что, хочешь сразиться с водяным буси?! – испуганно подскочил он, хватая лук. – Морской даймё найдет на нас бурю! Мы сто лет живем в мире и согласии!

– Только должок забрать, – засмеялся Натабура. – У меня нет желания тревожить вашу деревню.

Редко кто из буси мог похвастаться тем, что побил зеленокожего каппу. Каппы любого водоема были злопамятны и коварны. Только каппа Мори-наг покровительствовал Натабуре, он же передал ему знак господина Духа воды – Удзи-но-Оса. Чаще всего они утаскивали человека в море и топили, издавая при этом квакающие звуки, если прежде не убивали своим ядовитым когтем.

– Как можно общаться с тем, кто не понимает человеческого языка и кто ядовит? Хм... – снова удивился Язаки.

– Хоп! Язык водяных мне известен с детства, – ответил Натабура, не открыв, однако, тайну, что Мори-наг был более цивилизованным каппа, потому что озеро Хийн, в котором он

жил, принадлежало монастырю Курама-деру, который, в свою очередь, воздвиг господин Духа воды – Удзи-но-Оса. – А для усмирения их существуют тайные жесты, которым подчиняется любое существо.

– Даже я? – удивился наивный Язаки, забыв о стебле лотоса, который с наслаждением обсасывал.

Натабура снова засмеялся его простодушию, и они стали спускаться к морю мимо необруанных полей хаги, мимо хижин, окутанных голубоватой дымкой очагов, мимо сетей, растянутых для просушки, мимо кузниц, амбаров и скирд. Друзей провожали три тощие местные собаки, которые то бежали рядом, заглядывая в глаза, то шныряли по обочинам, выискивая полевых мышей, но неизменно возвращались и в знак симпатии махали хвостами. Крестьяне убирали остатки урожая, и тяжело груженные арбы мелькали среди светлых бамбуковых рощ, дающих живительную прохладу.

По правде сказать, Натабура только однажды видел, как учитель Акинобу применил тайное гофу. Они сидели в харчевне, когда в нее вошел богато одетый подвыпивший самурай и стал задевать Акинобу, который вовсе не походил на известного фехтовальщика, потому что был весьма скромнен как в одежде, так и в поведении и не выставлял напоказ свой достаток. Наглец даже посмел до половины вынуть меч, что уже считалось смертельным оскорблением.

Акинобу спокойно доел рыбу с пастой мисо и произнес:

– Тому, кто владеет собой, необязательно обнажать оружие. Сядь!

При этом Акинобу сделал жест, который в священном китайском трактате «Лю-Тао» называется оса – «завораживающий глаз».

Казалось, расхрабренный самурай задумался: его взгляд потускнел, кривая ухмылка сползла с лица, а цуба звонко ударилась о ножны. И рухнул, едва не опрокинув стол. Его огромный живот заколыхался, как медуза, выброшенная прибоем на берег, а изо рта вывалился грязный язык, и харчевня наполнилась густым храпом.

Жест правой рукой был сложным и очень быстрым – последний элемент такой неуловимый, словно Акинобу смахнул с лица самурая паутину. На самом деле, это было отвлечением внимания.левой же рукой Акинобу вынул из самурая душу, дунул на нее и приказал спать.

Тотчас подскочил хозяин заведения, и Натабура понял, что он в сговоре с самураем. В них распознали чужаков, и к тому же, расплачиваясь, Акинобу сделал ошибку, показав кошелек с монетами. Но на счастье, самурай не был искушен в тонкостях поединков, а еще его подвел ритуал – прежде драки надо распалить себя и заставить противника обнажить меч.

Когда они вышли на кривую улочку, по которой сновали разносчики, акиндо, ремесленники и монахи, Акинобу, с усмешкой глядя на городскую суету, сказал:

– Недаром мне сюда не хотелось заглядывать. Сегодня мы нарушили принцип благоприствования мест. Никогда не иди против принципов, мой мальчик. Лучше остаться голодным, чем без головы. И никогда не делай так, как сделал я, – на добрую четверть людей китайское гофу не действует. Что было бы, если бы этот засранец оказался трезвым?

– Ты бы его убил, – наивно ответил Натабура, привыкший к тому, что Акинобу не прощает оскорблений.

– Я не сделал этого по четырем причинам: мы нарвались на шайку воров в чужом городе, существует закон Эдо, у нас задание, и ты еще молод. В живых остается не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее. А побеждает не тот, кто прав, а тот, кто ловчее.

Натабура вспомнил, что ему было девять лет и он не умел обращаться с настоящим катана. А за поясом торчал только мамориготана – меч для подростков, да и то великоватый для его возраста. Тогда он не до конца понял речи Акинобу, хотя уже чувствовал, что в нем вызревает дух, который теперь должен был помочь справиться с любым демоном, в том числе и с каппа – водяным. К тому же Натабура не знал, что закон Эдо запрещает убийства в общественных местах.

В действительности они пришли в Сайто, чтобы приобрести трактат монаха Кукай – «Пять Тайных Колец». Он был посвящен пяти официальным видам совершенства: фехтованию двумя мечами, владению копьем, луком, шестом и посохом, а также пяти тайным искусствам, которые были зашифрованы. В их число входило киай, о котором знали только то, что врага можно убить голосом, техника двойника или отпускания тени – гэндо, которому Акинобу боялся обучать Натабуру, хаябуса – способность летать, и еще два, о которых Натабуре запрещено даже вспоминать, ибо сама мысль становилась оружием. Зашифрованную часть рукописи требовалось научиться правильно читать. За годы учитель Акинобу едва ли изучил три четверти или делал вид, что изучил, опасаясь худшего. Да и сам Натабура больше разглядывал картинки в те редкие дни, когда оставался один. Вот почему он не был уверен, что все знает. Если бы не последняя битва Дан-но-Ура, где он сражался с Минамото, он бы постиг абсолютное большинство тайн искусства «Пяти Тайных Колец» и рано или поздно занял бы место Акинобу в храме Курама-деру.

Наконец Натабура и Язаки вышли за деревню, миновали заболоченную бухту, поросшую диким луком, и последние два тё проделали, прячась за длинными песчаными дюнами. Ветер дул вдоль берега, неся морскую пыль и колкие песчинки. Собаки, как по мановению волшебной палочки, исчезли, а крестьяне у моря стали попадаться гораздо реже, словно они намеренно сторонились побережья.

Местного каппу можно было узнать по характерному запаху. Вонял он, как гнилая рыба, только так сильно, что вонь не давала дышать.

Каппа – это водяной буси, самурай царства господина Духа воды – Удзи-но-Оса, рассуждал Натабура. У каждого каппы есть свои владения, где он кормится и живет. В случае войны Удзи-но-Оса призывает всех каппу на службу. Когда происходили подводные сражения, на поверхности поднимались бури. Ядовитый коготь каппы – все равно что меч для земного самурая. Но с некоторых пор водяные буси стремились облачиться в земные доспехи.

– Интересно, в вашей стране такие же каппы, как и у нас? – спросил Натабура.

– Откуда ж мне знать, – сварливо заметил Язаки, явно нервничая.

Каппа сидел за камнем и мыл перепонки на лапах. Прячась за гребнями косы, Натабура подкрался и схватил его за волосы, похожие на морскую траву вами. И успел намотать их на руку, прежде чем каппа рванулся. Водяной почти выскользнул из рук, потому что его волосы были скользкими от морской слизи. Почувствовав, что ему сразу не уйти, он повернулся, чтобы ударить Натабуру ядовитым когтем длиной в сяку, но Натабура второй рукой схватил каппу за лапу и оторвал от земли. Тогда каппа воскликнул с удивлением:

– Тот, кто сумел приподнять меня, должно быть, обладает силой, сравнимой с моей. Что тебе нужно?

Судя по всему, в первый момент он не распознал в противнике буси – решил, что столкнулся с обыкновенным крестьянином, но на всякий случай осторожничал, растеряв свою былую наглость.

Натабура отпустил его и показал знак кётэ. Он понимал, что рискует: вдруг местный каппа служит не Удзи-но-Оса, а другому подводному князю. Никто не знал, как далеко распространяются владения господина Духа воды – Удзи-но-Оса.

После этого он сел по ветру, чтобы не умереть от запаха каппы. Каппа Мори-наг, который жил в озере Хиейн храма Курама-деру в горах Коя, пах не менее отвратительно, но совсем по-другому: пресной рыбой, саламандрами, лягушками, змеями и ядовитыми семенами чилима. Морской каппа исторгал смесь запахов из морских блох, медуз, улиток, ядовитой слизи кораллов и – самое отвратительное – гниющей рыбы. В темноте его тело светилось, как гнилушка, а волосы отливали лунным светом.

– А я узнал тебя, – заметил каппа, – ты тот, кого спасли едоки кукурузы?

– Прекрасно! – согласился Натабура, который безуспешно пытался избавиться от тошнотворного запаха, вытирая руки о песок и траву. – Что ты должен сказать еще?!

– Мы вассалы великого Удзи-но-Оса, – нехотя пал на колени каппа. – Его посланец – мой господин! Готов выполнить любое поручение!

– Как тебя зовут? – спросил Натабура, подолом рубахи закрывая нос.

– Принц Го-Дайго из рода Джига, – еще ниже поклонился каппа.

Зеленый хохолок на его макушке встал дыбом, а чешуя на шее злобно топорщилась.

– Хоп! Отлично, принц Го-Дайго! Стоп! Стоп! Ближе не подходи! Кими мо, ками дзо. Мне не нужны доспехи из китайской кожи на шелковой подкладке и парче, мне не нужен шлем с горловым кольцом, мне не нужны нарукавники, перчатки, позолоченная кольчуга, наколенники и щит из буйволового кожи. Оставь их себе. Мне не нужен большой лук и длинные стрелы. Мне не нужны пурпурный пояс из шелка, украшенный золотыми драконами, которым ты, кстати, подпоясан, и наплечники с гербом нашего рода. Но если ты найдешь мой кусанаги и перевязь к нему, я никому не скажу, что ты пытался обокрасть меня.

Человек на месте принца Го-Дайго из рода Джига густо покраснел бы, но каппа позеленел, потому что кровь у него была черно-зеленая. По закону все четыре стихии – земля, вода, воздух и пламень – были разделены. Никто не имел права пересекать границы без достойной причины. Каппа, уличенный в краже, изгонялся Удзи-но-Оса в самые отдаленные места, где не водилась рыба и крабы, где горел вечный огонь и, как вода, лилась сера. Каппам принадлежало все, что опускалось на дно морское, но воровать у людей они не имели права. Такой был договор между господином Духа воды – Удзи-но-Оса и Земным Буддой – Кондором Ититаро. Единственное, Натабура не сказал, что его кусанаги – волшебный, иначе бы не видать ему меча как собственных ушей.

– Сделаю все, что ты хочешь, господин, – поклонился каппа, однако невольно яростно сверкнув глазами. – Приходи до рассвета на это же место.

Не успел Натабура расстаться с каппой и взобраться на дюну к продрогшему Язаки, как они увидели вдалеке Садако, который вел себя очень странно. Причину этой странности они поняли очень быстро – Садако был пьян, как может быть только пьян крестьянин, закончивший обмолот риса.

– Дела дрянь, – всплеснул он руками, потеряв при этом свою соломенную шляпу, которую ветер покатило в сторону моря. Садако спокойно проводил ее взглядом, мотнул головой и произнес: – Вернулся гонец. – Его глаза то молодежато вспыхивали, то моментально угасали. – Но я его... чик-чирик...

– Зарезал, что ли? – удивленно спросил Язаки.

Садако как-то странно на него посмотрел, что-то хотел сказать, но завалился на бок и погрузился в пьяные грезы. Несмотря на все ухищрения Натабуры и Язаки, он совершенно не хотел возвращаться в реальный мир.

– Значит, новости и впрямь плохие, – понял Натабура, в который раз встряхивая Садако. – Слышь?!

– Не совсем... – пробормотал Садако, на мгновение приходя в себя и тут же снова засыпая. Его едва успели подхватить, иначе бы он скатился к подножию дюны. Затем он приоткрыл хитрый глаз и поведал: – Г-ха... Я не зря напился.

– Ты что, убил гонца? – еще раз спросил Язаки.

Садако только хмыкнул, давая понять, что если не все видит, то, по крайней мере, слышит.

– Похоже... – и трагически вздохнул.

– Зря! – согласился с Язаки Натабура. Он рассчитывал, что у него есть еще пара дней, а оказалось, что надо прямо сейчас уходить на юг. Теперь наверняка староста обвинит во всех смертных грехах его – Натабуру, а кусанаги останется у каппы.

– Нет, не зря, – едва вымолвил Садако.

– Как это не зря? – удивился Натабура. – Ушли бы мы в горы, ушли. Кими мо, ками дзо! Больше всего он беспокоился о самом Садако. Вот только меч жалко.

– Вы ничего не поняли! – заявил Садако, на этот раз более осознанно.

– Ну да... – стал злиться Натабура. – Все ничего не поняли. Убил гонца... Зачем – непонятно!

Но Садако не ответил. Он обиделся и норовил свернуться калачом и окончательно отключиться.

– Отец... сейса... – осторожно потряс его Натабура, – что делать-то будем?

– Ничего... – пробормотал Садако, – у нас еще сутки есть, – и сладко причмокнул. Его лицо разгладилось, тревоги исчезли, и Садако стал походить на блаженного.

– Какие сутки? – удивился Язаки. – Наверняка полдеревни уже на ногах, ищет нас.

– Никто вас не ищет... – счел возможным сообщить Садако. – Потому... потому...

Большого они добиться от него не могли. Язаки сбегал за укатившейся шляпой и заодно обмакнул в море шейный платок. Ветер гнул траву на гребне дюны. Белые облака уплывали за горизонт и далекий мыс. Море было покрыто барашками.

– Чего?! – всполошился Садако, когда Язаки брызнул на него холодной водой. – Ах... да... – Он широко зевнул и потянулся так, что захрустели старые кости. – Гонца ничего не скажет, потому... потому что мертвецки пьян. Я его споил. Раньше завтрашнего вечера он на ноги не встанет. Это обошлось мне в дневной улов.

– Хоп! Ну ты даешь, отец! – с облегчением оценил жертву Натабура. – Любишь ты чай замутить!

– Я же сказал, что напоил гонца... – бормотал Садако. – Чик-чирик... У вас есть сутки. Когима уже приготовила еду в дорогу... – Казалось, он вспомнил о чем-то важном, немного протрезвел и четко и ясно произнес: – Через день в Вакасу прибудет одзия. Он считает, что ты китайский шпион. Поэтому тебя велено отвезти в Чертоги и посадить в тюрьму.

– А разве старосте не нужен боец? – удивился Язаки, брови его взлетели вверх.

– За тебя уже заплатили, – снова забормотал Садако. – Столько, что нам со старухой хватило бы на остаток жизни... Так что собирайтесь и тихонько уходите на юг. А я скажу, что вы украли у меня лодку.

– А как же ты без лодки? – удивился Натабура.

– Как-нибудь... – изрек Садако и окончательно сомлел.

Друзья подняли старика и потащили домой. Благо он был тощим, как все рыбаки.

* * *

Шли молча по предрассветной траве. Туман клочьями выползал из болотистой низины, и запах свежего раздавленного лука под ногами будил в Натабуре аппетит. Он сорвал несколько стеблей и сунул в рот. Что-то ему подсказывало, что просто так они отсюда не уберутся, что обязательно что-то произойдет и помешает их планам. «Каппа? – прикинул он. – Нет, с каппа я справлюсь. Староста? Конечно, староста! Кто еще?! Только неизвестно как и где. А впрочем...» Ему давно хотелось с кем-нибудь помериться силой. Она играла в нем, как молодое вино, поэтому он и поводил плечами, как застоявшийся борец.

Потом с моря потянуло ветром, и туман стал рассеиваться. Когда они попали в дюны, в дзори стал набиваться песок, а длинная жесткая трава цеплялась за ноги.

Язаки плелся, поминутно спотыкаясь и зевая что есть силы. Он нес колчан с луком, а Натабура – котомку с едой. За эти несколько дней Язаки мастерски изготовил полтора десятка стрел. А теперь гундел на все лады:

– Обойдемся ханкю. Шли бы себе на юг и шли... К вечеру в соседней деревне поедим... Нет, понадобилось... – и выжидательно косился на Натабуру, принимая его старшинство и опыт.

Натабура отмалчивался. Без кусанаги он чувствовал себя как без рук. А одним ханкю явно не обойдешься в длинном путешествии. Нет, опасность исходила от других обстоятельств, и этих обстоятельств он не знал. Ну почти не знал. Перед началом похода он вошел в состояние мусина, однако то ли от перенесенной болезни, то ли еще от чего, но будущего не увидел, даже намека, даже Знака – Мус². Голова была тяжелой, сонной, словно жила сама по себе.

Но каппу Го-Дайго они учуяли издали – пах он как куча гниющей рыбы. А затем и увидели – светящегося, как гнилушка, с волосами, напоминающими холодные всполохи погоста.

– У-у-у... – Язаки клацнул зубами, спрятался за ближайшей дюной и даже закопался в густую длинную траву, которая росла на вершине, давая понять, что в настоящей авантюре не участвует и вообще с подозрением относится к попытке Натабуры вернуть кусанаги. Дело хлопотное, опасное и непредсказуемое. «Иди, иди», – ехидно подумал он, полагая, что путь к отступлению у него самого всегда найдется.

Натабура, не глядя, оставил котомку на дюне и, по лодыжку погружаясь в песок и едва не теряя дзори, спустился к морю, стараясь держаться так, чтобы дуло в сторону каппы. Туман отступил, и ветер теперь приносил лишь терпкие запахи водорослей и морской живности, которая перед рассветом стремилась уйти в воду. Солнце вставало из-за гор и далеко-далеко, почти на горизонте, освещало море. Мир ненадолго приобрел резкие очертания и контрастные цвета, и все это все немного смахивало на театр теней, который Натабура как-то видел в столице.

Глупый каппа прятался за валуном, хотя его можно было почувствовать как минимум за пять тё. Как нет света без тени, так нет каппы без запаха. Он поднялся и с поклоном протянул меч. Натабура, по обычаю, чуть-чуть обнажил кусанаги – его поверхность, несмотря на долгое пребывание в морской воде, выглядела как бархат, а цвет был прежним – под стать темно-голубому небу. Натабура приложился лбом к лезвию в том месте, которое называется кессо, в знак уважения к волшебному оружию.

И в этот момент каппа бросился.

Он вообразил, что Натабура ничего не видел. Но, во-первых, каппа стоял в позе нападения, а во-вторых, его выдали глаза, в которых промелькнули все его подлые намерения. Каппа высоко подпрыгнул. Ядовитый коготь щелкнул, выскочив из пазухи. Не будь Натабура насто-роже, удар пришелся бы точно в шею выше ключицы.

Каппа не учел только одного: нападать на самурая спереди – самое безнадежное дело. Натабура безотчетно отклонился назад и одновременно сделал то, чему его так долго обучали (даже с завязанными глазами, даже на слух, даже спросонья, в лесу, в доме, в храме) Акинобу и его друзья – веселые кабики. Его кусанаги стал продолжением руки. Ничего лишнего: ни замаха, ни наклона вперед, чтобы достать киссаки – кончиком меча. Времени не было. Только круговое движение руки. Самый первый элемент до – без участия тела, – рассчитанный больше на защиту, чем на нападение. Опытный воин никогда не попадет на подобный прием, в котором учитывается принцип равновесия. В данном случае сила ки перетекла в кончик кусанаги. Для каппы этого оказалось достаточно. Его не спас даже зеленый, как у ящерицы, чешуйчатый хохолок на загривке. Он еще не коснулся земли, а Натабура уже бросил кусанаги в ножны – ребяческая бравада, которую Акинобу выбивал из него всеми доступными способами. Хотя, разумеется, следовало уважать противника – кем бы он ни был, и не убирать оружия, не убедившись в окончании поединка.

Как только каппа коснулся земли, из него брызнул черно-зеленый фонтан. Каппа побежал к воде, но даже морские чудовища не могут жить без головы. Он даже попытался водру-

---

² Мус – Знак, просветление, взгляд в будущее.

зять ее себе на плечи, но не сделал и трех шагов, как рухнул и залил кровью весь берег. От тела пошел пар. Песок задымился и зашипел, как ахэ – пустынный варан. Любопытные рыбы стали выпрыгивать из моря, чтобы посмотреть на смерть ненавистного врага. Чтобы не умереть от многократно усиливающегося запаха, Натабуре пришлось ретироваться к подножию дюны, на которой прятался робкий Язаки. Через некоторое время, убедившись, что каппа не двигается, а запах немного выветрился, они вдвоем подошли к поверженному врагу, закрывая носы подолами рубах. Светлело с каждым мгновением – можно было уже разглядеть прибрежные скалы, а далекий мыс окрасился в розовый цвет. Вода была холодной, как зимой в проруби.

Голова лежала поодаль от тела и что-то шептала. Наклонившись, Натабура услышал:

– Ты великий воин! Меня предупреждали, что я паду от руки иноземца, но я не думал, что это будет мальчишка. Тебя ждут большие подвиги. Возьми мой коготь, пусть он станет твоим волшебным годзукой. Отныне он будет служить верой и правдой только тебе одному. Больше никто не сможет справиться с ним.

После этих слов глаза каппы потускнели, рот открылся, и оттуда свесился раздвоенный, как у змеи, язык.

В знак уважения к принцу Го-Дайго из рода Джига они руками выкопали на берегу могилу, сотворили молитву: «Наму Амида буцу!» – и похоронили побежденного врага. Но перед этим Натабура вырвал из его правой лапы коготь и отер о траву. Трава сразу же пожелтела и съежилась от яда, стекающего по острому как бритва лезвию.

Коготь был длинным – в две ладони, и Натабура еще не знал, пригодится ли он ему. Но когда он отложил его на песок, чтобы не мешал копать могилу, а потом случайно сунул руку в карман, коготь лежал уже там. Живой, что ли? Самое странное заключалось в том, что он даже не порезался о ядовитое лезвие, словно годзука оберегал руки хозяина. Годзука даже имел удобную рукоять.

Кусанаги Натабура забросил за плечи, а Язаки удивленно воскликнул:

– А где твой меч?

– Хоп! Меч там, где ему быть положено, – весело подмигнул Натабура. – Кими мо, ками дзо! Но это тайна. Никто не должен знать, что кусанаги становится амэи – невидимым, когда находится у меня за спиной. Стоит перевернуть его рукояткой вниз, как он становился тамэи. Можно сражаться любой рукой.

Кусанаги – длинный меч, с рукоятью, на две трети утопленной в ножны с целью уменьшения общей длины, был единым целым с го-каширой – зацепом под кисть для нанесения удара без замаха. Мастер сделал цубу небольшой, чтобы она легко входила в ножны. Такой кусанаги можно было носить и на боку, но удобнее всего за спиной.

– Здорово, конечно... – шмыгнул носом Язаки. – Но если морской даймё узнает, что мы сделали, то даже твой меч не поможет.

– По-твоему, надо было дать себя убить? – удивленно спросил Натабура.

– Нет... Но это не меняет сути дела. Рано или поздно господин Духа воды Удзи-но-Оса устроит бурю на море, и тогда нам не миновать беды.

– Тихо! – поднял руку Натабура, и они прислушались.

Из деревни доносились крики, лязг оружия, а на вершины деревьев падали отблески пламени.

Первым их движением было уносить ноги как можно дальше и быстрее. Они даже немного пробежали в сторону далекого мыса, но в следующее мгновение замерли. Крики то становились громче, то стихали, а лязг оружия временами заглушал прибор.

– Слушай, что там происходит? – наивно спросил Язаки. – Как ты думаешь? Может быть, это господин Духа воды Удзи-но-Оса? – Его голос дрожал.

– Разбойники! – уверенно сказал Натабура. – Спустились с гор или пришли по реке. – Он сразу же стал деятельным и целеустремленным, словно попал в родную стихию.

Не сговариваясь, они бросились в деревню.

Вначале они бежали вместе. Через какое-то мгновение Натабура обнаружил, что пересекает поле, с которого еще не убрали хагу, в гордом одиночестве. Куда делся Язаки, он не понял. Со стороны деревенской площади слышались крики. Должно быть, ронины подкрались в тумане сквозь бамбуковые рощи и, обманув бдительность отряда самообороны, проникли в центр деревни, где находился дом нануси – старосты Канрэй Синтага, две харчевни, кузницы и десяток торговых лавок. Натабуре оставалось обежать угол поля, и тут он наткнулся на тело крестьянина. Ему нанесли удар в грудь, и он был мертв. Рядом с ним валялась боевая мотыга с шипом-противовесом. Натабура бросился дальше, но в этот момент из предрассветных сумерек, топая пятками, вынырнул человек с оружием, прижатом к боку, которое в Нихон называлось нагинатой. Лезвие блеснуло, как глаз зверя в темноте. Но на узкой тропинке, вдоль которой с одной стороны росла густая хаги, а с другой – тянулись заборы крестьянских участков, пользы от тяжелой нагинаты было немного, ибо она требовала размаха. Ронин ничего не мог сделать, кроме как нанести колющий удар. Натабуре показалось, что ронин был в маске кошки и в шлеме с крылышками. Натабура крутанулся, уклоняясь от копья, и с разворота ударил противника левым предплечьем в горло. Разбойник свалился как подкошенный. Ноги его взметнулись выше головы. Вся тяжесть тела при падении пришлась на шею. Даже если он остался жив, то двигаться некоторое время явно не имел возможности.

На шум схватки уже кто-то спешил – Натабура не успел выхватить кусанаги, пал на землю, и две стрелы просвистели над ним так низко, что он услышал шелест их оперения. В следующее мгновение он перепрыгнул через стрелков, которых зарубил быстрее, чем они это поняли, и оказался на площади, где шло сражение. Крестьян оттеснили к харчевням и дому нануси, откуда нануси руководил боем. Язаки стрелял из лука с веранды. Еще трое прикрывали нануси щитами и готовы были устремиться в битву – они составляли последний резерв, на который могли рассчитывать крестьяне. Но дело близилось к концу, потому что белых рубах виднелось гораздо меньше. Десяток защитников деревни лежал неподвижно на земле, а разбойники кричали, чтобы остальные сдавались. Язаки, пав духом, уже опустил лук.

Должно быть, ронины, которых убил Натабура, сторожили тропинку, которая вела в центр деревни, поэтому на него никто не обратил внимания, и ронинов, оказавшихся ближе, он свалил одним ударом. Того, кто оказался слева, разрубил наискось от горла до пояса, а того, кто справа, ранил в бок. В лицо брызнула теплая человеческая кровь. После этого он, как ураган, пронесся по тылу нападавших. И прежде чем разбойники осознали происходящее, их численность уменьшилась на пять убитых и трех раненых, которые с криком с криком: «Сикомэ! Сикомэ!»³ – бросились врассыпную.

Вначале Натабура спас крестьянина с дубиной, который проявлял чудеса стойкости, обороняясь в одиночку против двоих, и ронин с трезубцем лишился руки. Не останавливаясь, Натабура поднырнул под следующего бойца, который оказался слишком нерасторопным, нанес ему скользкий удар в низ живота – просто потому что кусанаги деваться было некуда, перевернулся через голову и ударил по касательной, поразив противника во внутреннюю сторону бедра. Врубился между занятыми боем ронинами, разбросал их, вращаясь и при этом стараясь не задеть кончиком меча того крестьянина, на которого разбойники наседали. Расщепил древко яри, направленное в его сторону, и перепрыгнул через противника, успевшего присесть и закрыть глаза от страха, что не спасло его напряженную шею от точного удара. Успел ранить еще одного в горло, а второго проткнул, одновременно вынося кусанаги в сторону следующего ронина, чтобы лишить его маневра.

---

³ Сикомэ – злобные существа, высокого роста и очень сильные, с развитой мускулатурой, острыми зубами и горящими глазами. Не занимаются ничем другим, кроме войны. Часто устраивают засады в горах.

Тут только они заподозрили что-то неладное и шарахнулись в стороны, образуя вокруг Натабуры большое кольцо. И сразу из нападающих превратились в обороняющихся, потому что воодушевленные крестьяне удвоили усилия. Однако это еще не привело к перелому в сражении, а лишь ожесточило разбойников. И Натабуре сразу пришлось обороняться от троих, вооруженных прямыми мечами. Но то ли мечи у них были слишком тяжелыми, то ли ронины не имели понятия о фехтовании, однако они делали лишь неуклюжие выпады или простые рубящие движения. Прежде чем ронины перешли в атаку, Натабура успел переместиться и крайнему слева рассек лицо до кости.

После этого оставшиеся дрогнули и уже думали только о том, как бы сбежать в ближайшие кусты. Но он не дал им этого сделать и зарубил следующего справа, у которого были металлические нарукавники, а последнего, обороняющегося с ожесточением обреченного, убил ударом в сердце. И сразу же напал на человека в кольчуге и шлеме с полумаской духа лотоса из двух половинок, из-под которых тот следил за Натабурой темными пронзительными глазами. В одной руке он держал прямой меч, а в другой сай – короткий трезубец, предназначенный для защиты от меча. Натабура видел, как ронин до этого зарубил крестьянина, который оборонялся серпом на длинной рукояти. Против такого грозного противника у крестьянина не было никаких шансов.

Ронин в кольчуге оказался серьезным бойцом. Натабуре пришлось отразить несколько сильных и быстрых, но не очень искусных ударов. Он даже подумал, что противник знаком со школой тай-сабаки, настолько тщательно ронин готовил ловушку – пытался перехватить куса-наги трезубцем, чтобы в свою очередь ударить мечом. Но вблизи ему не хватало подвижности, чем Натабура и воспользовался: поднырнул из положения змея под его левую руку и уколол волшебным годзукой в единственное незащищенное место – прореху ворота кольчуги.

Как и почему годзука оказался в его левой руке, он уже не помнил – просто возник в тот момент, когда очень понадобился.

Ронин сделал два шага, зашатался и рухнул навзничь. После этого сражение мгновенно прекратилось. Оказалось, что человек в кольчуге был предводителем. Разбойники бросились враспынную. Крестьяне пустились их ловить.

Несмотря на суматоху и неразбериху, троих ронинов поймали и приволокли на площадь. Солнце вот-вот должно было показаться из-за гор, и слабые его отблески падали на землю. Натабуру окружили. Рядом оказался Язаки, который, хотя во время боя лишь робко стрелял с веранды, теперь выглядел героем. Нануси Канрэй Синтага подошел и воскликнул под радостные возгласы крестьян:

– Слава Всевышнему! Ты спас нашу деревню. По праву тебе принадлежит любое оружие на этом поле. Выбери, что хочешь!

– Кими мо, ками дзо! Я хочу взять десять стрел для короткого лука, – ответил Натабура, полагая, что Язаки истратил все стрелы. – А больше мне ничего не надо, сейса.

Теперь можно продолжить путь. Надо было только незаметно нырнуть в ближайшие кусты, и все дела. Натабура оглянулся. Язаки нигде не было. Пропал, как назло, в самый нужный момент.

– Скромность только украшает благородных рыцарей, – согласился Канрэй Синтага. – Отныне ты наш гость. Можешь оставаться в моем доме и жить столько, сколько тебе хочется.

Натабура не поверил ни единому его слову, в каждом из которых сквозило лицемерие. Надо было найти Язаки и уходить, уходить, пока в деревне царил неразбериха.

Вдруг с берега закричали:

– Корабли! Корабли!

Все побежали к морю, готовые к продолжению битвы. Подхваченный толпой Натабура невольно поддался общему порыву. Да и Язаки мелькал где-то в первых рядах. Уйти одному было как-то не по-дружески, да и, в общем-то, не с руки.

В этот момент из-за гор появилось солнце: вначале робко, словно на ощупь, потом брызнуло лучами и залило светом деревню и окрестности.

– Это не разбойники! – раздался голос Язаки. – Это одзия! Я вижу герб нашего кампаку! – И низко поклонился.

Кампаку в стране Нихон называли военного правителя провинции, а одзия – наместника одного из округов, входящих в провинцию. В свою очередь, оба они должны были подчиняться императору.

– Одзия! Одзия! – Крестьяне стали неистово кланяться.

Оказалось, что разбойники пришли не со стороны моря, а спустились с непроходимых гор. Что, несомненно, свидетельствовало о наличии дороги через них. Суда же, замеченные Натабурой, были флотилией одзия, который, видно, ждал рассвета, чтобы пристать к берегу.

Три плоскодонных судна выползали на шелестящую гальку. На каждом находилось не меньше двадцати человек пехоты, а на самом большом прибыл наместник.

Опустили трап, и одзия на белой лошади съехал на берег. Он был в санэ – доспехах с белой шнуровкой, указывая тем самым, что намерения его более чем серьезны, а гнев не имеет границ. Его сопровождала тяжеловооруженная стража с луками, копьями и широкими тяжелыми китайскими мечами. В стране Нихон таких воинов называли асигару. Их доспехи были сделаны из пластинок в виде листьев саккуры. Стража оказалась хорошо обученной – взяла копья на грудь и ловко оттеснила крестьян к деревне, образовав полукруг. Все это походило на ловушку и очень не понравилось Натабуре. В случае паники могла возникнуть давка, а дальше гор не убежишь. Зажмут и раздавят.

– Что за бунт?! – воскликнул одзия.

– Отец наш! – пал на колени нануси Канрэй Синтага. – Ночью нам пришлось обороняться от бандитов, которые покусились на твой урожай.

– Что?! – брезгливо воскликнул одзия. – Какие еще бандиты? Ты и есть главный бандит! Отрубить ему голову!

Крестьянская толпа возмутилась:

– Не убивайте его! Он наш староста. А это бандиты!

К ногам одзия выпихнули связанных ронинов. Они словно одеревенели, были безразличны к происходящему и лежали, как мешки с хагой. Только у крайнего справа дрожали руки. По древнему закону Сётоку «Уложение семнадцати статей» участь их была предрешена.

– А почему вы прибежали с оружием?! – раздраженно спросил одзия. – Кто так встречает своего господина?! – Он положил руки на рукояти мечей.

– Позволь мне сказать, прежде чем мне отрубят голову! – попросил нануси.

– Говори! – велел одзия.

– Мы сберегли урожай для казны от бандитов, но потеряли много людей. Если бы не этот юноша, о котором я вам доносил, – Канрэй Синтага нехотя показал на Натабуру, – ты бы не увидел нас живыми.

– Невелика потеря, – с усмешкой заметил одзия. – Отныне мы берем вас под защиту. В деревне будет стоять гарнизон, который вы будете кормить и содержать. Староста! Все должны сдать оружие. Таков указ великого кампаку Годзэ Камакура! Да пребудет его слава вечно! Участки будут переписаны, а налоги увеличены! А ты подойди ко мне! – приказал он.

Натабура подошел и преклонил колена. При этом он совершил ошибку, не спрятав куса-наги за спину, а держа перед собой.

– Скольких ты зарубил?! – надменно спросил одзия.

Его борода и усы торчали из-под маски, а густые черные брови были насуплены, словно он решал непосильную задачу. На самом деле ему всего-то надо было напугать этих людей и заставить кормить гарнизон асигару.

– Не меньше десяти! – крикнул из толпы Язаки.

– Неужели?! – удивился одзия, снимая маску, чтобы лучше разглядеть Натабуру. – Как тебя зовут?

Натабура показал на океан и назвался:

– Натабура из рода Юкимура дома Тайра. Мой отец Санада – хранитель вод Столицы Вечного Спокойствия, Киото.

Между ним и собеседником было не меньше трех кэн, но он мог одним прыжком, подобно стреле, покрыть это расстояние и убить одзия ударом в горло. Однако одзия не понимал этого и стоял совершенно открыто. Чтобы не подвергаться искушению, Натабура опустил взгляд. Одзия расценил это как слабость.

– Никогда не слышал такого имени и рода. Говорят, тебя принесло море?! – Одзия сделал многозначительную паузу, давая понять, что ему все известно. – Тогда ты шпион! Зачем тебе такой странный меч?!

– Он убил десять бандитов! – шумно напомнили крестьяне. – Он защитил нас!

– Ваш разум помутился! – засмеялся наместник. И все смолкли. – Он китайский шпион, потому что там, – наместник показал на восток, – нет никакой страны! Бескрайний океан! – Одзия обратился к Натабуре: – Если ты действительно такой умелый рубака, как о тебе говорят, будешь моим оруженосцем. Дайте ему копьё, проверим, насколько он ловок! Пусть сразится с моими людьми.

Натабура посмотрел одзия в глаза и понял, что тот жаден, погубил множество людей и что ему понравился необычный голубой кусанаги. В свою очередь, одзия не увидел в Натабуре буси – благородного человека, если такое понятие существовало в этой стране, а посчитал его мальчишкой, которого можно беззастенчиво обобрать. И еще Натабуре стало ясно: если ему не отрубят голову заодно с бандитами, то из-за кусанаги посадят в тюрьму, как бродягу и опасного человека.

Тем временем к нему направились два асигару. Не поднимаясь с колена, Натабура взялся за рукоять. Они не распознали его намерений и держали свои тяжелые копья таким образом, что для нанесения удара им пришлось бы сделать не меньше двух движений: снять копьё с плеча и только затем уколоть. Для ловкого человека такое оружие было неопасным. Так же как широкие китайские мечи – страшные в массовой рубке, но непригодные для поединка.

– Эй ты! – окликнул один из них, опуская копьё, чтобы его кончиком поддеть кусанаги.

В последний момент Натабура передумал. Асигару не учел, что у копья слишком короткий наконечник. Как только он оказался на уровне груди Натабуры, тот в броске перехватил копьё ниже наконечника, дернул на себя, переменял направление движения так, чтобы закрыться от второго асигару, развернулся и резко ударил противника локтем в горло. И хотя горло воина было закрыто специальным щитком – зува, против удара гаухау он оказался бесполезным. Кожаные ремешки лопнули. Асигару захрипел – зува перебил кадык. Прежде чем асигару упал на камни, Натабура занялся вторым, но убивать его не стал – некогда было, под ногами бросившихся на подмогу стражников уже скрипела галька. Натабура просто подсек асигару под колени, из-за чего он растянулся во весь рост. Выхватил копьё, сделал движение веером, отпугнув других асигару, и отпрыгнул в сторону толпы, которая расступилась и тут же сомкнулась за ним.

Наступила пауза. Толпа ошетинулась мотыгами, копьями, мечами, цепями, кукурузными дробилками и косами. Язак даже влез на дерево, чтобы стрелять поверх голов.

– Что вы стоите! – закричал одзия. – Это всего лишь люди земли! Именем императора покарайте их!

К ужасу старосты деревни, последовала короткая стычка, в которой Натабура принял самое активное участие. Крестьянам удалось потеснить асигару и одзия на коне к их судам. Те из асигару, кто оказался отрезанным от моря, искали спасения в зарослях хаги или были забиты камнями и боевыми мотыгами. Однако воины, которые находились напротив судов,

быстро пришли в себя, а их тяжелое вооружение давало им заметное преимущество в бою строем. Толпа отхлынула в обратную сторону.

Казалось бы, одзия, гарцуя на белом коне и выкрикивая команды, овладел положением, однако в этот момент по рядам асигару пронесся крик ужаса. Все увидели, что крайнее судно запылало, как факел, а Натабуре показалось, что на фоне пламени мелькнул Язаки. После этого асигару думали только о том, как бы побыстрее убраться в море, а когда из деревни прибежала еще группа крестьян с мотыгами, серпами и цепями, воины одзия бросились к двум оставшимся судам. Многие нашли свой конец уже во время бегства.

Белый конь носился без седока. Натабура с Язаки хотели подстрелить одзия, но он словно в воду канул. Потом Натабура увидел, как наместник, окруженный преданными телохранителями, пробивается сквозь толпу стражников к судну, и понял, что до него не добраться. Десяток телохранителей решили ценой своих жизней спасти господина. Они бросили наземь щиты и сорвали панцири в знак того, что будут стоять насмерть. Но это уже был жест отчаяния – одзия все же попал на борт, но столкнуть судно на воду оказалось некому.

Бой приближался к концу и шел уже между бортами, в воде. Тяжелые асигару взяли в гальке и были неповоротливы, словно буйволы в болоте. Один за одним они погружались в волны, пуская пузыри.

Но в этот момент с морем что-то произошло. Вначале оно отступило, одновременно закипев, словно в глубине шло такое же сражение, как и на суше. Затем гигантская волна поднялась выше гор, а на ее гребне появился господин Духа воды – Удзи-но-Оса.

– Где он?! – пронеслось над водной гладью. – Где?!!

Огромные и длинные усы и шелковистая борода господина Духа воды – Удзи-но-Оса являли собой продолжение волн, которые с шумом разбегались до горизонта. В одной руке он держал пылающий трезубец, другой указывал на берег:

– Ищите того, кто погубил Принца Го-Дайго из старинного рода Джига!

По обе стороны от него невиданные чудовища с длинными рылами трубили в огромные раковины. Шесть ужасные водяных драконов с всадниками на спинах охраняли Удзи-но-Оса, а позади него из глубин колонна за колонной выстраивались в боевые порядки каппы, их оруженосцы, черные морские змеи, черепахи с шиповыми панцирями, рыбы с огромными зубастыми пастьями, диковинные существа, которых никто никогда не видел, киты, боевые дельфины, нарудоны, самэ – акулы, осьминоги и прочая живность. Все, все лезли на берег.

Небо потемнело. Засверкали молнии, и задул ураганный ветер.

Крик ужаса пронесся по земле. Волны ударили в берег, и Натабура с Язаки пустились в бегство. Но было слишком поздно. Морские твари хватали всех подряд и утаскивали под воду.

Вода хлынула на берег. Вначале она доходила Натабуре до груди и мешала двигаться. Потом, когда они очутились на взгорке, на них напали два каппы, вооруженные копьями в виде лилий. Одного из них Натабура зарубил, а второй нырнул, взывая о помощи, и схватил Язаки за ноги. Со всех сторон к ним ринулись морские твари. Вода вскипела от их движений. И когда Натабура с Язаки решили, что погибли, Натабура вспомнил о знаке Удзи-но-Оса и высоко поднял его над головой. Морские твари и каппы опешили, а Натабура с Язаки в три прыжка очутились на твердой земле и бросились бежать в сторону гор.

Глава 2

Племя ёми

Древний лес был глух, темен и беспроглядно мрачен. Казалось, в чащобе кто-то таится. Под лапником лежал снег, а на под ногами чавкала грязь. Сверху, цепляясь за горы, неслись тучи, а узкая лощина, по дну которой бежал ручей, не спасала от холодного ветра, который налетал порывами, раскачивая верхушки деревьев. Едва заметная тропинка меж замшелых камней с каждым шагом становилась все нахоженнее и нахоженнее, а высоченные и толстенные ели и сосны, которые, казалось, царапали небо, нехотя расступались, выставляя напоказ свои огромные корни.

– Не будет нам дороги... – как всегда, Язаки гундел на все лады, не замечая никого и ничего вокруг, – не будет... пропадем мы... пропадем... есть хочу...

Да помолчи, ты! Да тише! – хотелось возразить в ответ. Кими мо, ками дзо! Язаки едва плелся, неся за плечами колчан с луком. Плелся и оглядывался. «И чего ты оглядываешься? – раздражаясь, думал Натабура. – Если бы здесь кто-то был, давно бы нас спеленали, поскольку топаем, что твои слоны. А засаду хорошо бы устроить на бугре со смятой травой, – Натабура по привычке оценивал местность. – Тогда бы нам некуда было деться, кроме как бежать вдоль тропинки, а в спины нам будут посылать стрелу за стрелой». Да и с таким спутником не особенно разгонишься: Язаки не умел двигаться осторожно. Если он проходил мимо ели, то обязательно задевал ветку, если переступал через камень, то с шумом сталкивал его с места. Он был сыном рыбака, его никто не обучал искусству самурая, а на его добродушной физиономии ясно отражались все владевшие им страхи и сомнения. К тому же они оба замерзли – тонкая деревенская одежда плохо грела.

Когда их выбросило волной на гору и они, судорожно цепляясь за траву и корни, взобрались на вершину, а потом посмотрели вниз, то ни деревни Вакаса, ни кораблей одзия не увидели. Голая прибрежная равнина, плавающие деревья, бурлящее море и водовороты. Один Водяной владыка – Удзи-но-Оса, грозя трезубцем, погружался в пучину, а его огромные и длинные усы и шелковистая борода все еще выплескивались к подножию столбовых гор.

Потрясенные и усталые, беглецы сидели на вершине, не в силах спуститься в горные долины.

С этой стороны гор кто-то жил – об этом говорили склоны, испещренные паутиной троп и усыпанные козым навозом. На бугре примята трава, и дело вовсе не в козах, а в чем-то еще, что таилось в сумрачных сучьях. «Не нравится мне это все, – думал Натабура, – не нравится. По всем правилам следовало сойти с тропы и двигаться лесом. Но в чаще к нам могут подобраться на расстояние верного выстрела, да и заблудиться недолго. Хотя, наверное, мы уже давно заблудились, потому что не знаем ни местности, ни верного направления. Топаем с горы, и все. А куда – не ведаем. Правда, во всей этой истории есть один большой плюс – мы остались живы, а это главное».

– Ох!.. – глухо выдохнул Язаки и зашатался. – Слышь... дальше я боюсь...

Он оступился в ручей, с ужасом воздел руки, глядя куда-то вниз, и Натабура увидел глубокий след, залитый черной водой.

– Обыкновенный коровий... – Натабура поежился от холода.

Ему самому было не по себе. Да и усталость брала свое. «Скорее бы убраться отсюда, – подумал он. – Ночь без огня нам не пережить: холодно, ноги мокрые, жрать охота. Котомку с едой, конечно же, потеряли еще в деревне».

– Это не корова, – уверенно возразил Язаки, – это Горная Старуха.

– Хоп? Какая старуха? – спросил Натабура, не очень веря Язаки. В той местности, где он жил, обитали только дикие кидзины, которые ели деревья, кроша их камнями, отчего дрожала земля и рассыпались горы.

– Горная... какая еще... – мрачно отозвался Язаки, озираясь по сторонам. – Заманивает людей в чашу и кровь выпивает. Ты заговора от нее не знаешь?

– Не знаю, – мрачно отозвался Натабура. – От всех тварей не заговоришься. Пойдем-ка...

Кидзинов он не боялся. С кидзинами у них был договор, а вот о Горных Старухах ничего не слышал. О них не говорилось ни в древних трактатах, ни в поучении придворных мудрецов.

Они обошли бугор, который так смущал Натабуру, и, углубившись в древнюю чашу, двинули вдоль лощины по левому склону. Теперь она хорошо просматривалась сквозь деревья.

– Ну и чего мы добились? – вопрошал неугомонный Язаки. – Пойдем-ка лучше в другую сторону?! – И оглядывался, сам не зная почему.

А потом вдруг оба почуяли запах серы. И увидели ее. Она стояла чуть ниже тропы, справа, закутанная то ли в шкуру, то ли просто сложила крылья, повернув свою лошадиную морду в сторону людей. Из ноздрей валил дым, а глаза горели рубиновым светом.

Робкий Язаки как шел, так и плюхнулся на живот, зарылся головой в еловые иголки, оберегая пупок, через который, как известно, духи проникают в человека.

Натабура окаменел. Не то чтобы испугался, а просто замер, вообразив себя деревом. Его одежда давно уже перестала быть белой – так что вряд ли кто-то мог разглядеть их с тропинки, разве что почуять. Почуять мог только зверь. Зверей Натабура не боялся.

Не отрывая взгляда от Старухи (ему казалось, что стоит отвернуться, как она исчезнет), Натабура медленно присел, на ощупь вынул ханкю из налучия на спине робкого Язаки, а из колчана – стрелы. Наложил одну, прицелился и выстрелил между двумя ударами сердца. Но за мгновение до того, как он намеревался отпустить стрелу, чтобы мысленно сопроводить ее до цели, Горная Старуха переместилась выше, на кучу камней. Для этого ей не понадобилось даже взмахивать крыльями. Как стояла, так и возникла на новом месте – перенеслась.

По спине у Натабуры пробежали мурашки. Он упрямо повел стрелой в ее сторону, и на этот раз Старуха переместилась еще до того, как он натянул тетиву, – за деревья и кусты. И вдруг заржала – громко и призывно, словно предупреждала или звала кого-то, и голос ее перешел то ли в хриплый вой, то ли в глухой орлиный клекот.

На ее призыв ответило блеяние – чуть ниже того места, откуда они шли с Язаки. Тогда Натабура, плохо что соображая, соединил миг – цель со стрелой – и послал ее на звук. И тотчас в ответ зашуршала, завозилась нечисть во всем лесу. Закаркали вороны, пролетел встревоженный коршун, а верхушки деревьев, упирающиеся в небо, тяжело закачались. Он же, оседая, знал, что попал, но только на время отодвинул опасность.

* * *

Очнулся в зарослях по-осеннему бурого папоротника, в который заполз непонятно зачем. Рядом, как сноп, валялся Язаки. Его лицо разгладилось и выражало безмятежность спящего человека. В лесу было тихо, сыро и темно, хотя ночь еще не наступила, а только опускались сумерки.

Пощупал: кусанаги был на месте, там, где ему и положено быть, – за плечами. Годзука, который Натабура засунул в петлю под знак кётэ, висел на груди. Значит, ничего страшного не произошло – разве что сон, который наслала Горная Старуха. Но попал ли он в нее? Теперь Натабура не был в этом уверен, и сердце его тревожно застучало. «Так я точно никогда не дойду», – упрямо решил он, поднимаясь.

– Вставай! – слегка пнул Язаки. – Надо идти!

Но разве можно было сразу заставить двигаться такого истукана, как Язаки, который так долго вытряхивал иголки из волос, вздрагивал и озирался, как упрямый осел, что их уже раз двадцать могли окружить и взять в плен. Ну же!

– Где это мы? – в довершение всего спросил он голосом, в котором слышалась легкая паника.

Ему тоже хотелось домой – в тепло и уют. Он любил своих родителей, сестер и братьев и еще не осознал потерю, как совсем недавно не осознавал ее и Натабура. Он еще не отвечал сам за себя и свои поступки, а надеялся на кого-то другого.

– Знаешь что... Знаешь что... – Язаки всхлипнул и осекся, взглянув в суровое лицо спутника.

Он хотел пожаловаться, что голоден, что продрог и что ему хочется вернуться в деревню, но знал, что делать этого не следует, потому что Натабура был дзидаем, а дзидаи не прощают слез и нытья. Мало того, они не любят слабых телом и духом.

– Ладно тебе... – пожалел его Натабура. – Пойдем. Кажется... там деревня. Попробуем счастья. Кими мо, ками дзо! Все равно другого пути нет.

Конечно, они рисковали. Но к риску Натабура был привычен. Сколько раз они с учителем Акинобу попадали в подобные истории, но всегда выходили победителями. Неужели на этот раз не повезет?

И почти одновременно они почуяли запах дыма, навоза, жареного мяса и душистого хлеба. Натабура подавил спазм в желудке, а Язаки испуганно завел прежнюю песню:

– Заманивают нас... Заманивают... Для Горной Старухи заговоренная стрела нужна. – Он хотел показать, что все слышал, все видел и только делал вид, будто испугался.

На следующий год его должны были отправить в Чертоги в качестве евнуха. Для такого поступка тоже требовалась смелость. И Язаки готовился к этому, полагая, что таким образом обеспечит себя и многочисленную родню до конца дней. Тайно он мечтал всю жизнь проходить с полным животом.

Но Натабура, вдруг подняв руку, обратился в слух. Язаки обескураженно замолк, устыдившись своей горячности. Действительно, в лощине, на тропинке, кто-то двигался, шурша и фырка.

– Хоп? Заговоренная, говоришь?.. – произнес Натабура, решив, что это рыщет Горная Старуха, и растворился среди ветвей.

Только Язаки его и видел. Ему совсем не хотелось оставаться одному, но и бежать за Натабурой навстречу опасности было боязно. Скороговоркой прочитал молитву Анагэ – покровительнице Вакасы и, убедившись, что вокруг тихо, а с ним самим ничего не случилось, собрался с духом и бросился вслед за Натабурой, смешно подпрыгивая на кочках и взмахивая на бегу локтями. Колчан у него за плечами болтался из стороны в сторону.

Натабура стоял на изготовку на краю тропинки за толстенной сосной. При всей серьезности ситуации он понимал, что нельзя слепо, как дзёдо, полагаться на судьбу, а нужно действовать по-умному, иначе из леса не выйти. Обязательно что-то произойдет, вернее, уже произошло, и они втянуты в череду событий, из которых просто так выбраться уже невозможно, как невозможно повернуть реку вспять.

– Тс-с-с... – Натабура прижал палец к губам и оглянулся, а потом посмотрел вниз, где было гораздо светлее.

«Даже если это... как ее там... Горная Старуха, – с чувством обреченности думал он, – все равно свалю. В таких делах, как выслеживание и охота, упорство – главный козырь. Если, конечно, нет ничего лучше».

– Ой... – с ужасом выдохнул Язаки, – это не барсук-к!..

«Опять... опять...» – с раздражением думал Натабура, стараясь не обращать внимания. Ему было неприятно, что кто-то рядом трусит, ибо духи трусости вселяются в других людей и мешают думать, а главное – действовать.

– Там еще и лисица, – назло сказал он, всем своим видом показывая, что нет смысла дрожать, будто осиновый лист.

– Это не лисица, – выдохнул Язаки прямо в ухо.

– Хоп?! А кто? – удивленно спросил Натабура, не повернув головы.

– Тони!.. – крикнул Язаки, словно прочищая горло. Его была нервная дрожь, а зубы клочили так громко, что, наверное, было слышно на другом конце этого огромного темного леса.

– Слуги Старухи? – Натабура натянул тетиву. «Эка невидаль... Тони... так тони... – рассуждал он, упрямо встряхнув головой. – Лесные демоны и у меня на родине надевают на себя человеческую кожу и морочат людей, лишая их рассудка».

До животных оставалось не больше двадцати шагов. Промануться было трудно. Девятихвостая лиса-демон подпрыгивала и атаквала трехголового барсука-демона. Он же, фыркая и скалясь, заставлял ее пятиться. Рыжее пятно и белые отметины резко выделялись даже в сумерках.

Натабура собрался было выстрелить, как вдруг ясно различил, что вместо лисицы и барсука на тропинке кружат, приседая, кряжистые лохматые люди. Один из них действительно оказался рыжим, а у второго в волосах виднелась седая полоса. Рыжий, то ли шутя, то ли всерьез, нахраписто размахивал топором и отчаянно ругался, а седой, отступая, прятал за спиной кремневый нож. От неожиданности Натабура опустил ханкю и помотал головой. Быть такого не может – чтобы демоны превращались в людей!

– Пастухи... – паническим выдохнул Язаки, – бежим! – Но его ноги словно приросли к земле.

Действительно, это были красноглазые, мускулистые бородачи, походившие на эбису – горных дикарей с восточных островов Хоккайдо и Хонсю. Только те разрисовывали тела золой и не стригли волосы в течение всей жизни, заплетая косички. В отличие от эбису лесные пастухи не перевязывали и не заплетали волосы, и те торчали во все стороны, словно ключья соломы. К тому же на обоих поверх шкур были надеты накидки из травы, защищающие от снега и дождя.

Откуда ни возьмись появились козы, овцы, а следом вынырнули собаки величиной с медведя. Натабура с Язаки вовсе окаменели. Бежать было поздно, а обнажать кусанаги Натабура не решился, словно знал наперед, что все закончится благополучно. Морды у собак были красными, глаза, как и у их хозяев, налиты кровью, а шерсть свисала, как у мауси – горных токинов, до самой земли.

Но раздался свист, и собаки, не добежав трех шагов, нехотя остановились, выдирая лапами пучки травы и срывая с камней мох, уселись с обеих сторон тропинки, свесив языки, и стали внимательно разглядывать незнакомцев, принимаясь ворчать при любом их движении.

Натабура тотчас сообразил, что это крылатые медвежьи тэнгу. Даже учитель Акинобу никогда не видел их, хотя в тайных китайских и корейских трактатах сообщалось, что тэнгу помогают хозяину избегать всевозможных опасностей и что это очень полезные и одновременно опасные животные, являющиеся проводниками в мир хонки – демонов и духов. И еще он понял, что они с Язаки находятся в ёми – Земле Желтого Источника, в которой благодаря живой воде люди обладают бессмертием, а у тэнгу отрастают крылья. Много легенд ходило о земле ёми, но никто никогда сюда не попадал. Так вот какая она, оказывается, с удивлением подумал Натабура и даже опустил лук. Но о ёми идет дурная слава – из нее не возвращаются ни живыми, ни мертвыми. Совсем не возвращаются.

– Я держу их! – крикнул кто-то позади и чуть-чуть сбоку.

Как Натабура и предполагал, собаки явились не одни. Если бы его не отвлекли тэнгу, он вовремя обнаружил бы малого, который прятался на бугре с противоположной стороны тропинки и целился в них из лука. Натабура даже успел заметить, что наконечник у стрелы из кости, хотя это служило слабым утешением, и медленно положил свой ханкю на тропу, не выпуская малого из поля зрения. В такой ситуации трудно было что-либо предпринять – разве что уловить момент выстрела. Но, кажется, у малого имелись другие планы, и он не собирался отпускать тетиву. Быть может, из-за того, что Натабура не выстрелил первым.

Седой был чуть-чуть повыше и помощнее рыжего. Подскочил и обнюхал Натабуру, приставив к его шее острый кремневый нож длиной не больше одного сун. Но-но... В нос Натабуры ударил запах крепкого звериного пота и неземного духа.

Когда Натабуре было семь лет, он нарушил запрет Акинобу, из любопытства вошел в Правый Черный Лабиринт Будды и попал в лапы не к веселым кабикам, а к кэри – прирожденным убийцам, которые устроили засаду в ожидании учителя Акинобу. Они пахли точно так же. Кэри приставили к шее Натабуры длинный стальной нож и заставили кричать в надежде, что теперь-то учитель Акинобу никуда не денется, потому что он любил Натабуру как сына и не мог оставить в беде. Кэри, который держал Натабуру, был землистого цвета, морщинистый, бугристый, с рожками, которые просвечивали сквозь редкие волосы. Остальные трое замерли по углам с мечами на изготовку. Но уловка не удалась. Прежде чем они сообразили что к чему, из-под невидимого потолка спланировала летучая мышь и рассекла кэри плечо. Нож выпал, а в следующее мгновение Натабура с учителем Акинобу стояли в храме, а демоны в отчаянии выли и стонали, не в силах проникнуть в светлый мир людей. Надо ли говорить, что летучей мышью был учитель Акинобу. После этого Натабура стал носить на второй фаланге среднего пальца правой руки – сухэ – кольцо, в котором в виде ленты было спрятано короткое лезвие. Смертоносное движение напоминало мазок кисточкой при написании иероглифа «пламя». В данный момент Натабура имел все шансы убить пастуха так быстро, что тот ничего не понял бы.

– Так это ж деревенские! – удивленно крикнул, оглянувшись на товарищей, седой. – Как они сюда попали?!

– Нас штормом выбросило... – миролюбиво пояснил Натабура, одновременно наслаждаясь своим скрытым превосходством – выхватить кусанаги было делом одного мгновения. Но именно этого он не сделает, пока нет смертельной опасности. А ее-то он сумеет распознать за доли мгновения.

– Правильно, был шторм! Дай!.. – потребовал пастух, показывая на волшебный годзуку.

То ли его остановил кэтэ, то ли он удовлетворился годзукой, но седой тотчас спрятал за спину свой кремневый нож, малый опустил лук, а рыжий отступил в сторону, давая дорогу. Наивные – они видели только то, что видели.

– Топайте! – сказал рыжий, поигрывая топором. – Великий господин Духа воды – Удзино-Оса искал каких-то беглецов. Не вы ли?

– Нет, – хладнокровно ответил Натабура, показывая на знак кэтэ, – не мы...

Язаки от страха лязгнул зубами, но сообразил:

– Те в море уплыли...

Молодец, оценил Натабура.

– Действительно... – Седой уставился на Язаки, словно ожидая от него правды. – Вряд ли они были бы такими хлипкими.

Натабура сразу понял, что этот ёми наиболее опасен – кроме того, что глаза его еще больше налились кровью, в них поселилась угроза. В многочисленных путешествиях по стране с учителем Акинобу Натабуре приходилось сталкиваться с подобными людьми – все они были необузданными и импульсивными. Большая часть из них принадлежала к классу самураев на службе у господина, меньшая – к горным монахам и ронинам – самураям, потерявшим службу.

Пастухи же всегда были покорны своему хозяину и самое большое, что имели, – это хорошую сучковатую дубину, а не лук и медный топор.

– А нам все равно! – отвлек ёми малый по имени Антоку, который ловко скатился с бугра и с любопытством принялся разглядывать Натабуру и Язаки. – Подойдут? – как бы между делом спросил он седого пастуха, которого, оказывается, звали Такаудзи.

Антоку Натабуре понравился. Был он года на два старше, с открытым, ясным взглядом, коренастого сложения, еще по-юношески гибкий, но в нем уже чувствовалась пробуждающаяся звериная сила, что давало преимущество в открытом бою, но лишало хитрости и маневра. И вдруг Натабура ясно и четко понял, что очень скоро убьет малого и что сделает это не по своей воле, а по стечению обстоятельств, которые в настоящий момент не проглядывались. Хотел ли он этого? Он не знал и испытал странную горечь от неизбежного. Он только чувствовал, что события сложатся именно подобным образом, а не иным. И изменить ничего нельзя, потому что даже если рассказать, что к чему и почему можно то, а это нельзя, пастухи все равно не поймут. Да и никто не поймет, даже он сам, Натабура, потому что все это лежало за гранью человеческого понимания, в зыбком мире предсказаний. А кто верит предсказаниям? Никто!

Такаудзи поморщился:

– А кто их знает? Деревенские все подряд тупые и драться не умеют. Долго не продержатся. – Седой Такаудзи, нехорошо оскаливаясь, перевел оценивающий взгляд на Натабуру, но почему-то не решился его тронуть, зато что есть силы пихнул пухлого Язаки: – Иди!

– Хоп! – Натабура так повел плечами, что Такаудзи невольно отпрянул, а затем, словно обрадовавшись поводу подражаться, яростно блеснул глазами и сделал резкое, подлое движение из-за спины – выбросил перед собой руку с кремневым ножом, целясь в грудь.

Глаза его вспыхнули необузданной злобой, а с травяной накидки во все стороны полетели кусочки льда. Натабура поймал запястье в коёсэ, однако на всякий случай не сломал его – нож еще не успел с глухим стуком нырнуть в ручей, а Натабура дернул руку за спину и, закрывшись Такаудзи от Антоку и Кобо-дайси, приставил к горлу Такаудзи годзуку, который в самый нужный момент снова непонятно как оказался в левой руке.

Сделал он это так быстро, что медлительные и туго соображающие тэнгу ничего не поняли, а только привстали и глухо рыкнули.

– Стойте! – крикнул Натабура, чтобы остановить дернувшихся Антоку и Кобо-дайси. – Стойте! Иначе я убью его! Кими мо, ками дзо!

В возникшей паузе Язаки схватил ханкю со стрелами, которые выронил Такаудзи, и спрятался за Натабуру.

– Сейчас я их, сейчас... – накладывая стрелу, волновался он.

– Но вот видишь, а ты сомневался! – засмеялся, разряжая обстановку, рыжий Кобо-дайси, делая вид, что не замечает старания Язаки и что он рад подобному разрешению их ссоры с Такаудзи. – Деревенские тоже шустрые... – При этом он схватил за рукав порывистого Антоку, который все же бросился, как последний драчун, на Натабуру.

– Отлично! – оценил Натабура. – Я отпускаю его, и мы спокойно идем с вами в деревню?!

– А нож?! – Антоку выдернул рукав и возмущенно посмотрел на старшего Кобо-дайси.

– Нож и лук мы оставим себе! – заявил Натабура, и взгляд его стал тяжелым.

Но для ёми он был всего-навсего дерзким мальчишкой.

– Нож отдай... – тихо, но грозно потребовал Кобо-дайси, яростно сверкнув глазами. – Клянусь Цукиёси, у нас чужаки с оружием не ходят!

– Хоп... – помедлив немного, согласился Натабура и швырнул годзуку в траву. Это была третья заповедь – вовремя отступить, чтобы затем выиграть. – Об обычаях не спорят... – согласился он.

При всей неоднозначности ситуации он все же оставался хозяином положения, хотя ёми и не догадывались об этом.

– А ведь ты не деревенский... – понял Кобо-дайси, поднимая годзуку.

– Не деревенский...

– А кто?

– Никто...

– Ладно! – Кобо-дайси сделал вид, что его больше ничего не интересует, и засунул топор за пояс. – Пошли в деревню. Пожрем хоть. Я устал как собака. – И снова с удовольствием засмеялся, глядя на растерянного Такаудзи, который, судя по всему, не ожидал такой прыти от мальчишек. – Собственно, нам все равно, кто вы, главное, чтобы бегать умели.

– Да, чтобы бегать умели, – радостно согласился Антоку, пряча непонятную ухмылку в глазах.

– Но ведь от судьбы не убежишь? Правда ведь? – обращаясь только к Антоку, спросил Кобо-дайси.

– Не убежишь, – с гаденькой ухмылкой согласился Антоку.

На душе у Натабуры сделалось тоскливо. Это чувство было предвестником поединка, столкновения – всего что угодно, но только не спокойной жизни, к которой, собственно, он так и не привык.

– Посмотрим, насколько они прыткие.

– Посмотрим... – На этот раз Антоку засмеялся – нехорошим, подлым смехом. И ушмешки у них тоже были нехорошие – кривые и многозначительные. А еще они оба явно втихую издевались над Такаудзи, который вмиг потерял лицо, да еще перед кем – перед пришельцами.

Собаки побежали впереди, притихшие было козы и овцы заблеяли и потрусили следом. Антоку нехотя нацепил лук на плечо, а Кобо-дайси, с интересом поглядывая на Натабуру, пошел впереди, показывая дорогу.

Они уже вышли из леса и стали спускаться по склону, а седой Такаудзи в бешенстве все еще искал свой нож в холодном горном ручье. С этого момента он стал смертельным врагом. Акинобу же учил, что с врагом никогда нельзя ограничиваться полумерой. Впрочем, Натабура почему-то особенно не волновался.

* * *

Лесная чаща расступилась, и на фоне заснеженных пиков и священной горы Нангапарбата возникла деревня, обнесенная ивовым забором. Вначале они увидели только часть ее, а затем, по мере того как деревья редели, поняли, что деревня большая, просто огромная, что она занимает всю долину до белых гор. А небо над ней – голубое и высокое, совсем не такое, как в лесу. К тому же сухо и чисто, удивился Натабура, такое и не во всяком нашем городе увидишь.

– Ух ты! – воскликнул Язаки.

– Чувствуешь? – спросил Натабура, нюхая воздух.

– Лето... – удивился Язаки.

– Хоп?... – хмыкнул Натабура. – А должна быть осень.

– Не знаю... – растерялся Язаки, крутя головой. – Пожрать бы...

– Кто о чем... Куда же мы попали?... – добавил Натабура.

Язаки еще больше притих и чаще завертел головой, труся и ожидая неприятностей с любой стороны.

За всем этим крылась тайна. Опасна ли она для них, Натабура не знал. Надо было это выяснить как можно быстрее. От этого зависела их жизнь. С подобными опасностями Натабуре еще не приходилось сталкиваться.

Между хижинами с изогнутыми на китайский манер крышами, амбарами и еще какими-то длинными и круглыми строениями, заросшими вдоль стен травой, были разбиты огороды,

на козлах сушились рыба, а на кострах вялилось мясо. Пахло кислым молоком и брынзой. А из-под низких травяных крыш поднимался и зависал клочьями синеватый дым, путаясь при полном безветрии в широких кронах сливовых, абрикосовых и яблоневых деревьев.

Хижины были новенькими, словно с акварелей Кацусика Хокусай, которые висели в отчем доме Натабуры: трава на крышах – свежая, ивовые стены словно вчера покрыты глиной и разрисованы буддийским орнаментом минэ – красными и белыми треугольниками, дорожки – сухие, аккуратные, песочком посыпанные, а трава между ними яркая, изумрудная и самое удивительное – коротко подстрижена. Даже воздух в деревне был сочным и пьянящим. Какая-то неправильная деревня, решил Натабура, привыкший к грязи и слякоти цивилизации Нихон.

Скот погнали в загоны. Тэнгу бросились к еде, а из-под хижин мохнатыми шариками выкатились крепкие, мохнатые щенки и принялись играть с ними, вспархивая на своих изящных крыльях при малейших признаках грозного рычания и заливаясь радостным лаем. Ёми Кобо-дайси подтолкнул Натабуру и сказал:

– Давай! Давай! Туда! Туда! – показывая в глубь деревни.

Пришлось подчиниться в надежде, что хоть покормят на ночь.

– Есть охота... – ничуть не стесняясь, завел старую песню Язаки.

Натабура с презрением взглянул на него – неужели Язаки было все равно, отрежут ему голову или нет, лишь бы было набито брюхо.

– Будет вам и еда, – снисходительно успокоил Кобо-дайси. – Будет... Ха!.. Такая еда, что на всю жизнь запомните.

– А ты нас не пугай, – сказал Натабура. – Пуганые мы, – и наклонился вперед, – пу-ганые...

– Дело хозяйское... – в свою очередь пожал плечами Кобо-дайси.

– Ну и отлично, – согласился Натабура, а Язаки предусмотрительно промолчал, рассчитывая, что дадут хоть хлеба.

Должно быть, накануне в деревне была успешная охота, потому что под деревом раздвигали оленью тушу. Поплутав по кривым улочкам, Натабура с Язаки в сопровождении Кобо-дайси попали на площадь с большой трехъярусной пагодой в центре и кухнями на задворках, где пекли душистый хлеб. На площади была растянута шкура медведя, и женщины, среди которых Натабура с Язаки приметили несколько хорошеньких девушек ёми, скребли мездру. Голова медведя торчала на колу.

– На этот раз двое... – произнесла странную фразу одна из них.

– Кто знает, может быть, им повезет?.. – предположила вторая, зеленоглазая, не очень уверенно.

– Неужто жалеешь?

– А то... – вмешалась третья.

– Да ты погляди. Мальчишки совсем...

Однако в ее словах прозвучало нечто такое, что заставило сердце Натабуры биться сильнее. Раньше он этого чувства в себе не замечал.

– Высоконыйкий... – жалостливо вздохнула четвертая, – продержался бы до следующей ночи...

– Да ну тебя!.. – прыснула первая. – Одно на уме!

– А чего?.. Наши-то все на одно рыло. А эти свеженькие... Когда еще выпадет счастье.

– Ха-ха-ха, счастье нашла!

– А вам-то что?!

– Нам-то ничего! Только не обожгись!

– Цыц, неумные! – для острастки прикрикнул Кобо-дайси.

Язаки ничего не понял, но наконец-то испугался и забормотал:

– Не смотри, не смотри, пропадем...

Натабура тоже ничего не понял, но девушки ему понравились. Были они рыжеволосыми и белокожими – сплошь на одно лицо. Вовсе не красноглазыми, как пастухи. Таких девушек ему еще встречать не приходилось.

– Отвернись! Отвернись! – твердил Язаки. И наконец заразил своим страхом – Натабура лишился спокойствия воина, которое, должно быть, спасло их в лесу, и теперь сам боялся нарушить неписанные законы горного племени. «И кого они жалеют, – подумал он, – неужто нас?»

Шаман Байган – полуголый, морщинистый старик, с татуировкой на лице и руках, в кожаной шапочке с перевернутой розеткой оленьих рогов, которые закрывали ему лоб и виски, вышел из пагоды и крикнул женщинам:

– Бросайте работу! Займитесь делом!

Та зеленоглазая, которая понравилась Натабуре, поднялась, мелькая пятками, сбегала на кухню и зашла с ними в хижину, чтобы, стрельнув глазами, молча бросить на стол вяленую рыбину, пару кусков сушеного мяса и поставить кувшин с водой.

– Что от нас хотят? – спросил Натабура, улыбнувшись ей.

Пахло от нее умопомрачительно, и Натабура неожиданно для себя понял, что следит за каждым ее движением голодными глазами. Он вдруг почувствовал, что ей это нравится – плавиться под его горячим взглядом. «Ух ты!» – подумал он, не зная, что ему предпринять. Но руки почему-то спрятал за спину – подальше от греха.

Может быть, она и рада была ответить, но только игриво зыркнула, мотнула головой в сторону Кобо-дайси, стоящего в дверях, мол, говорить не могу, и выскочила наружу. А Кобо-дайси, закрывая дверь, многозначительно сказал:

– Посидите пока... – Непонятно было, то ли он приревновал, то ли исполнял чужую волю, которая не сулила ничего хорошего ни Натабуре, ни Язаки.

Внутри хижины было жарко и душно. Заходящее солнце косыми лучами, в которых плавали пылинки, пробивалось сквозь ветхую крышу. На лежаке у стены были заметны бурые пятна крови, а на балке прицепился клочок черных волос. «Интересно, кто их оставил, – подумал Натабура, – ёми или такие же горемыки, как и мы?» Пахло травами и кислятиной. На Язаки напал нервный жор. Пока он, косясь на клочок волос, с жадностью чистил рыбу, Натабура обследовал помещение. Это был склад, в котором хранились плохо выделанные козьи шкуры. На низких стропилах висели пучки цветов.

Расковыряв пару дырок в глиняных стенах, Натабура пришел к выводу, что ночью можно уйти задом: с тыльной стороны хижины тянулся забор, через прорехи которого в свете уходящего дня виднелся огород. Однако рыть подкоп было рановато: по тропинке сновали ёми всех возрастов, а также медвежьи тэнгу в сопровождении щенков. Один из них, с рыжей отметиной на груди, самым наглым образом цеплялся за «штаны» и, рыча, повисал, пока его не стряхивали на землю. Тогда он вспархивал, мелко трепеща крыльями, и снова бросался в атаку. При этом умудрялся разогнать всех других щенков, которые занимались примерно тем же самым.

«Не нравится мне все это, – кривился Натабура, подходя к столу как раз вовремя, потому что Язаки, освоившись, приканчивал рыбу и нацелился на мясо. – Не нравится. Не знаю почему, но не нравится». Сам он мог уйти очень тихо – с кусанаги сам черт не брат. «Или пробьюсь через деревню к реке, – решил он. – Нагло. Через крышу. Среди бела дня. Пусть возьмут! Пусть попробуют!» Он чувствовал, что тело стало вертким, сильным и, как прежде, слушается его. «Но Язаки... – думал он, – Язаки я бросить не могу. Не по-дружески это и подло. Из-за подлости все несчастья. Хотя вот тебе прощу заранее», – Язаки исподтишка спрятал в рукав кусок рыбины. Натабура сделал вид, что не заметил. Язаки горазд пожрать. Набить живот для него первое дело. Значит, надо ждать удобного случая, хотя, конечно, скорее следовало шеве-

литься в лесу, а не здесь. Но что-то ему подсказывало, что все было сделано правильно, хотя Мус молчал.

Позднее Натабура имел возможность убедиться, что выход из деревни только один и находится он совсем не там, где, казалось, должен быть, и что вряд ли он ушел бы даже с помощью кусанаги – загоняли бы в горах, утыкали бы стрелами. Ну день, два. От силы до дайкан – большого холода продержался бы. Выжидать, выжидать и притворяться. Не говорить громко и уверенно. Не демонстрировать ловкость. Пару раз оступить. Губы не сжимать. В глаза не смотреть.

Жуя соленое мясо, Натабура вернулся к передней стене, чтобы поглядеть, что творится снаружи. Вокруг пагоды на противоположной стороне площади происходила странная суэта – если дети ёми баловались, то с оглядкой на этот большой квадратный дом и, как ни странно, на хижину, где сидели они с Язаки; если кто-то из взрослых мелькал в переулках, то с радостным блеском в глазах. Несколько раз прошлась, словно нарочно, та худенькая зеленоглазая, которую он приметил. Что-то в ней было такое, что выделяло ее изо всех других молодых женщин. Нет, женщины нам не нужны. Не сейчас и не здесь. Ёми тащили какие-то ленточки, зажженные фонарики, цветы, еловые ветки – и все в пагоду. Тащили хлеб, мясо, воду и круги сыра. Туда же покатали здоровенную бочку то ли с пивом, то ли с вином. Пахло брагой. «Ерунда какая-то, – думал Натабура. – Почему все тихо радуются и, главное, оделись по-праздничному?»

Потом как-то резко стемнело, но ёми не успокоились – при свете фонарей продолжили все ту же бурную деятельность. Прозвучал и смолк пастуший рожок, бухнуло что-то – явно барабан, потом что-то запиликало – нудно, на одной ноте. Развлекаются. Нет, готовятся, понял Натабура. Но к чему?

– Ну что там? – с облегчением спросил Язаки, запихивая в себя последний кусок и вытирая жирные губы.

Вся его крестьянская сущность заключалась в набитом животе, который заметно выпячивался из-под рубахи. Наверное, и душа там пряталась – жирная, толстая, пальчики облизывает. Б-р-р...

– Не пойму... – произнес Натабура. – Пир, что ли? Кими мо, ками дзо...

Его смущала мысль, что вся эта суэта имеет к ним какое-то отношение. Абсурд какой-то, думал он. Праздник!

– Где пир? – пыхтя, оживился Язаки. Он подполз, несмотря на теплую погоду, кутаясь в жесткую козью шкуру, глянул в дырку и нервно хихикнул: – А нас притащили на заклание?

– Вряд ли, иначе бы не кормили, – заметил Натабура. – Хотя ведут себя так, словно мы почетные гости.

– Но посадили под замок... – возразил Язаки, не желая думать о худшем. – Пожрать дали неплохо, но мало. Я бы предпочел еще...

Натабура, стиснув зубы, промолчал. Вопросов было больше, чем ответов. Сильнее всего ему не нравилось, что все делается в спешке.

– Кому мы нужны?! – с надеждой высказался Язаки, и в глазах у него появилось знакомое тоскливое выражение. – Может, у них свадьба?

– Хоп?! Ночью?

– Да... – согласился Язаки. – Не подумал. А может, у них праздник?

– Кого-то поймали? – усмехнулся Натабура.

– Действительно... – Язаки вообще пал духом. – Все к одному. Недаром мне накануне мухи снились.

– Мухи! – снова усмехнулся Натабура.

– Чего ты понимаешь?! – неподдельно возмутился Язаки. – Мухи к счастью. Они васаби на курином бульоне любят.

– Почему васаби? – оторопело спросил Натабура.

– Потому что мама приготовила, а я не съел.

В его словах прозвучал двойной укор: с одной стороны, не успел съесть, а с другой – вроде как он, Натабура, виноват.

– Ладно, стемнеет, и уйдем, – успокоил его Натабура, впрочем, сам мало веря своим словам.

Что-то ему подсказывало, что сейчас все и начнется – слишком нарочито суетились ёми. Усталость прошла. На место ее явилась готовность к действию. Плохо, что годзуки нет под рукой. Годзуки вместе с кусанаги придавал уверенность и силу.

– Это же сикомэ! – Язаки подскочил так, что ударился темечком о балку. – Как я не понял! – вдобавок он что есть силы треснул себя по лбу. – У них на лице шерсть, как у овцы! Как я раньше не догадался?!

– Сикомэ выше людей, – возразил, оборачиваясь на шум, Натабура. – У них острые зубы.

– А красные глаза?! – веско добавил Язаки.

– Ну да... – подумав, согласился Натабура. – Вообще, они похожи на кэри. Только цвет кожи человеческий. Мужики уродливые, а девушки красивые, – добавил он мечтательно и почему-то снова подумал о зеленоглазой, хотя это мешало. Точнее, он о ней вообще не забывал – она присутствовала где-то там, на заднем плане всех его мыслей. Пока он не знал, что со всеми этими мыслями делать – думать о ней было приятно, но как-то не ко времени и, конечно, не к обстановке.

– А то ты раньше не заметил?!

– Я-то как раз заметил. По-нашему, это ёми, – объяснил Натабура, – земли бессмертных.

И вдруг почувствовал на шее тяжесть – годзука незаметно вернулся. Трудно было понять, как он это сделал. Даже помурлыкал, как кот, прижимаясь к груди, и стал теплым, будто кровь.

– Где ты видел здесь бессмертных?! – От возбуждения Язаки стал брызгать слюной. – А Горная Старуха не из этой деревни. Видел на заборе сухой камыш?

– Ну?.. – Натабура, едва слушая его, тихо радовался годзуке. Он еще не привык к волшебным свойствам когтя каппы.

– Вот то-то! Пока камыш шелестит, она не может попасть внутрь.

– А зачем ей попадать? – На этот раз Натабура удивился.

– Старуха появилась не просто так. – В полосках света, попадающего внутрь, блеснули испуганные глаза Язаки, который явно хорохорился через силу.

– Ты думаешь, она хотела предупредить нас? – спросил Натабура, в десятый раз ощупывая годзуку.

– Это и коту понятно... – укорил Язаки собственный страх. – А ты ее стрелой!.. Может, она нам жизнь спасла? Иногда Горные Старухи покровительствуют племенам, иногда одиноким путникам. А сикомэ, которых ты называешь бессмертными, попадали и в нашу деревню.

– И что вы их?..

Язаки замялся, испуганно кося, как набедокуривший кот:

– В общем... понимаешь, так немножко... совсем немножко...

– Хоп?.. – подтолкнул его Натабура, уже зная ответ. – Чего бормочешь? Кими мо, ками дзо?

– Заставляли работать или... или... – даже стыдливо отвернулся, словно не хотел договаривать.

– Хоп?..

– Продавали в рабство... – шмыгнул носом Язаки.

– Теперь все ясно, – насмешливо хмыкнул Натабура. – Если доживем до утра, то это будет чудо.

– Тогда давай копать сейчас?! – взвился Язаки. – Чего сидим?! – Откуда только силы взялись.

– Погодь... – сказал Натабура, наблюдая, как здоровенный и толстый ёми в накидке из леопардовой шкуры спорит с шаманом Байганом, который снова возник из пагоды.

Спорили они неистово, словно решалось что-то важное и никто не хотел уступать – только за грудки не хватали. «Хан-горо! Вождь! – догадался Натабура. – Но где я его видел? И при каких обстоятельствах? Явно не при самых лучших».

Каждый из спорящих периодически тыкал в темноту и неистово жестикулировал. Потом озабоченно пробежал Антоку – малый лет пятнадцати с неизменным луком в руках. Внезапно в круг света влез не кто иной, как седой Такаудзи, но почему-то лысый, в одежде буддийского монаха – да не кого-нибудь, а Бэнкэя, слава о котором, видать, докатилась и до этой глухой стороны мира. Натабура только успевал удивляться. И вдруг все понял – сугоруку! Та, которую я видел в кошмарах. «Как я раньше не догадался». Сугоруку, в которую играли и вождь, и Антоку, и Такаудзи в виде монаха Бэнкэя! И еще! И еще многие! Он еще не все вспомнил, но сообразил, что Такаудзи тоже хочет участвовать в игре. Нет... не может быть... потому что в реальной жизни духи редко главенствуют над людьми. Значит, сугоруку – это игра, в которой властвуют духи, и одновременно коридор между мирами.

– Язаки! – повернулся он, чтобы поделиться открытием. – Если это сугоруку, то по-другому нам отсюда не выбраться! Язаки!!!

Друга нигде не было. На столе лежал забытый кусок мяса. Откуда-то доносились странные звуки, словно возилась большая, толстая свинья.

Натабура обнаружил Язаки в самом дальнем углу, где были свалены козьи и овечьи шкуры, – Язаки копал так неистово, что Натабура закашлялся от пыли и земли, которые Язаки выбрасывал из-под себя, словно барсук.

– Слышь... – забыв, что таким образом все равно не уйти, Натабура сторяча помог выломать десяток-другой ивовых прутьев, – есть другой выход...

Но едва они расширили подкоп, как в образовавшуюся дыру просунулся снаружи кто-то живой. Дыра была слишком узка для медвежьего тэнгу или человека, но достаточно велика для любого другого существа, поменьше размером.

– Ай! Ай! – Язаки шарахнулся и спрятался за спину Натабуры. – Крыса!

Что-то, шурша и кряхтя, лезло в темноте. Стена хижины дрожала.

Натабура покрылся предательским потом, но набрался храбрости и схватил зверя.

– Щенок!.. – воскликнул он так искренне, словно случайно встретил друга.

От радости он даже не обратил внимания на то, что щенок мгновенно искусал ему руки.

– Задуши! Задуши! – возмущенно шептал Язаки. – Выдаст!

Натабура разжал руки. Щенок оказался страшно любопытным. С третьей попытки он вскарабкался на колени и, обнюхав лицо, лизнул в губы. Был он мягким, толстым, теплым, пушистым и пах молоком. Он почему-то напомнил Натабуре зеленоглазую. То ли запахом, то ли еще чем. Глаза у него оказались почти черные, с голубоватой поволокой. В сумраке Натабура не мог разглядеть, но ему показалось, что это тот шустрый щенок, которого он видел давеча. Быстро оценив обстановку, щенок принялся за свое любимое занятие, то есть рвать и кусать. Натабура невольно засмеялся – щенок ему понравился. Не долго думая, мохнатый гость вцепился в рубаху на груди Натабуры и, грозно рыча сквозь сомкнутые зубы, стал дергать из стороны в сторону.

– Сейчас как щелкну! – пригрозил Натабура.

Щенок от удивления примолк, уставившись круглыми глазами, но рубашку из вредности не выпустил. Однако через мгновение разжал челюсти, шлепнулся на землю и сразу воспользовался своим холодным носом – ткнулся в бедро.

– Ага... – удовлетворенно произнес Натабура.

Пришлось отдать кусок мяса, который он, спасая от Язаки, сунул в карман. Удовлетворенно урча, щенок схватил добычу и юркнул в подкоп.

– Ку-у-да! – только и успел шутливо воскликнуть Натабура.

Но в этот момент снаружи раздалась страшная какофония, в которой особенно выделялись барабан и визгливый рожок. Блеснул свет, качнулась плетеная дверь, и в хижину с большим трудом пролез вначале вождь в леопардовой шкуре, а за ним, как духи, возникли Антоку и Кобо-дайси с фонарями в руках – оба в парадных одеждах, если такой одеждой можно было считать разномастные части от доспехов. Антоку облачился в роскошную кольчугу с капюшоном, которая, однако, надевалась только под доспехи – слишком тонкой и изящной выделки она была. Кобо-дайси же явился в допотопном китайском панцире кэйко, но с отличной боевой яри в руках, лезвие которой было начищено до зеркального блеска.

«Ого! – удивился Натабура. – Боевые трофеи! Ну не сами же они такое делают?»

В двери, казалось, бесцеремонно засунуло головы все племя ёми.

Вблизи вождь оказался еще толще и шире. Живот переваливал через ремень, а бурая морда напоминала медузу, выброшенную на берег, – рыхлую и студенистую. Маленькие красные глазки сквозь щелки внимательно следили за окружающим миром. Лица у всех троих были обмазаны непереваренной травой из козьего желудка, и воняло от них соответственно – кислотной и мускусом.

По чьему-то неуловимому знаку музыка стихла, и вождь торжественно произнес:

– Я Хан-горо. Вождь племени Ёми! Вы наши пленники. Мы отпустим вас только при одном условии: вы сыграете с нами в сугоруку!

Стены заходили ходуном от воплей племени – словно все злорадствовали, предвкушая забаву. Крыша жалобно заскрипела. Угрожая спалить хижину, ёми всю размахивали факелами. Крылатые медвежьих тэнгу басовито лаяли, овцы блеяли, а младенцы так орал, что заглушали шум всех музыкальных инструментов, вместе взятых. И опять по чьему-то знаку одновременно все замолкли, включая собак. Даже ветер перестал свистеть в верхушках деревьев.

Вождь Хан-горо с важностью откашлялся, ожидая ответа, который, впрочем, и не требовался ввиду понятных обстоятельств.

Заметил ли он, что они делали в углу, или ему было все равно, Натабура не понял – за мгновение до этого он успел принять покорный вид. Убежать они с Язаки все равно не могли. Победа зависела от правильно выбранной стратегии.

– В какую сугоруку, сейса? – на всякий случай спросил он, давая тем самым возможность Язаки завалить подкоп шкурами, если тот сообразил, конечно.

Если у Антоку глаза были блекло-розовые, а у Кобо-дайси – красные, то у вождя Ёми – Хан-горо – темно-рубиновые и светились в темноте.

– В божественную...

Ясно, равнодушно подумал Натабура. Кими мо, ками дзо! У него ныли зубы. Так ныли, что всю душу выворачивало. Это тоже было привычкой, скверной привычкой, с которой ничего нельзя было поделать и которая проявлялась каждый раз, когда приходилось ждать. Он находился в позе Будды и старательно сдерживал желание одним косым ударом через плечо – кама-сёрнэ – разрешить все проблемы. «Опять же – если бы я был один. Если бы я был один, я бы спалил всю деревню и окрестные леса». Ёми, однако, что-то почуяли, потому что Антоку невольно сжал лук, который в тесной хижине был самым бесполезным оружием. А рыжий Кобо-дайси, упираясь яри в потолок, сказал, смягчая речь вождя:

– Мы предоставляем вам честь участвовать в нашем празднике. Если вы выиграете три раза, то гора Нангапарбата откроет вам дорогу и вы сможете продолжать путь.

Ой ли? Что в его словах было правдой, а что нет, можно оставить на его совести. Издеваются над нами, решил Натабура и едва не схватился за челюсть. Простодушное коварство ёми было слишком очевидным. На этот раз у него вышло: в мгновение ока он стал мусином – оки-

нул взором будущее и не увидел Знака – Мус. Мелькнула лишь неясная тень, словно лисий хвост. Было ли это пропуском, он не знал, и чья душа улетела, тоже не знал, а мог только поклясться, что заглянул достаточно далеко и со всем вниманием, на которое был способен. Ведь даже самый конечный Мус не отражает реальности, а является только подсказкой в твоих действиях. Так учил учитель Акинобу. Зубы на какое-то мгновение перестали ныть.

– Мы согласны, сейса, – Натабура незаметно подмигнул Язаки в надежде, что толстый друг будет более расторопным, хотя их положение было в общем-то незавидным, можно сказать, даже пропащим. Дожить до рассвета составляло огромную проблему.

– Да, – добавил Язаки, привыкая, что во всем можно полагаться на Натабуру.

– Отлично! – воскликнул вождь Хан-горо. – Приступим сразу же.

– Не лучше ли дождаться утра? – удивился робкий Язаки, проявляя дипломатическую смекалку.

– Мы играем только до восхода солнца. Как только лучи солнца окрасят Нангапарбату, – вождь Хан-горо неопределенно махнул в сторону сказочной вершины, – колдовство пропадает!

– У нас... – жалостливо шмыгнул носом Язаки, – у нас... нет оружия!..

Молодец, оценил Натабура.

– Зато есть лук, – со знанием дела прищурился Антоку, не собираясь уступить.

Несомненно, он ничего не простил и вместе с Такаудзи хотел расквитаться за случай на тропинке. «Интересно, почему бы всему племени для верности не ринуться в бой?» – злорадно подумал Натабура. Умереть он не боялся, но и сдаваться просто так не был намерен. Щенок вернулся за новым куском мяса и требовательно верещал за стеной. Он оказался очень нахальным – черный щенок, с рыжим подпалом и таким же пятном на груди.

– Лук хорош в поле, – храбро заметил Язаки, давая понять, что тоже кое-что смыслит в ратном деле. Лицо его было в пыли, рукава завернуты по локоть. – Однако не годится для серьезного поединка.

Вождь Хан-горо важно сказал:

– Мы дадим вам самый лучший меч! А лук оставьте до следующего раза.

В этой фразе крылся подвох, но Натабура ничего не понял, а только почувствовал, что Язаки был готов легкомысленно сообщить о кусанаги, мол, у нас уже кое-что есть посильнее любого вашего меча, и быстро вставил, справедливо полагая, что и камень может проговориться:

– Хоп! Тогда идем!

Он легко поднялся, рассчитывая, что их отпустят вдвоем в эту самую сугоруку, и они благополучно сбегут, а с двумя противниками он справится легко даже одним годзукой. Как только он начал двигаться, зубная боль прошла, исчезла, словно ее и не было вовсе, а на душе стало легко, словно проблемы решились сами собой.

Снова раздался восторженный рев ёми: они трубили, били в барабаны, свистели, ревели и плясали. Когда Натабура с Язаки вышли из хижины, то обнаружили толпу, которая источала крепкий мускусный запах и не имела ни конца ни края. Блестели возбужденные лица, вымазанные непереваренной травой из козьего желудка. Центр деревни был залит светом, а пагода словно висела в воздухе. Все ее три крыши полыхали рубиновым светом.

На высоких ступенях пагоды стоял шаман Байган. Он поднял руку, и все стихло.

– Кто из вас будет игроком? – Он почему-то посмотрел на Язаки, выбрав слабейшего.

– Хоп?! Нас двое... – словно между делом заметил Натабура, не особенно повышая голос.

Но шаман не обратил на его слова внимания. Казалось, дело решено. Первым он хотел убить короткокурокого и пухлого Язаки.

– Нас двое, сейса! – на этот раз твердо повторил Натабура.

Если бы у них была возможность тут же, сейчас же попасть в сугоруку, он, не задумываясь, бы сделал это.

– Один будет бросать камни! – блеснул кровавыми глазами вождь Хан-горо.

Для него самого все было ясно: пришельцы должны погибнуть по очереди в течение двух ночей. Почему бы первой игре не стать самой зрелищной?! Пусть первым идет сильный мальчишка.

Язаки в очередной раз испугался и бросил жалостливый взгляд на Натабуру. Для игры, сам того не подозревая, он тоже не годился. Чтобы научиться правильно бросать камни, нужно играть хотя бы в те же самые нарды не менее пяти лет, и с очень сильным противником – с таким, как учитель Акинобу, например. Показывая, как следует это делать, учитель Акинобу говорил: «Будущее – это тот единственный вариант, без которого ты не можешь обойтись, поэтому думай только об этом». Перед игрой он учил Натабуру предсказывать ее результат. По представлению монахов Конгобудзи, игра в нарды имитировала жизнь с ее закономерными случайностями. Кто понял закономерности случая, тот умеет управлять своей жизнью.

– Не бойся, – вкрадчиво произнес шаман Байган, – первая игра самая легкая.

– Я буду первым! – снова твердо сказал Натабура. – Таковы наши условия!

– Хорошо, – неожиданно согласился вождь Хан-горо, и лицо его расплылось в довольной ухмылке. Несомненно, они с шаманом обговорили и этот вариант и были уверены в своих силах.

Кто будет вторым, Натабура уже знал – Такаудзи, а третьим – шустрый Антоку. К ним мог присоединиться любой ёми. Они попытаются убить меня сразу, понял Натабура, а с Язаки у них проблем не будет. Риск меньше. На Язаки, чтобы развлечься, они выпустят рядовых ёми.

– Моя б воля, я б тебя сразу же! Но народ хочет развлечься. Заодно проверим, какой ты в деле, – злорадно шепнул, наклонившись, Такаудзи.

Его лысина блестела, как луна, глаза были краснее обычного, а круглое лицо ничего не выражало, кроме злобы и тупости.

Натабура с Язаки в сопровождении вождя Хан-горо вошли в пагоду. Ёми повалили на второй и третий этажи, чтобы грызть свой сыр, вяленое мясо и запивать все это пивом – чанго. Ходом игры распоряжался шаман Байган. На полу пагоды расстилалась боат земель Аора – карта с городами, дорогами, реками и горами. В центре находилась крепость курува. Вот куда надо попасть, почему-то решил Натабура. Мысль была неожиданной, а мгновенно созревший план заключался в том, чтобы разведать путь к свободе.

Камни предполагалось бросать справа на маленьком столике с бортиками. С одной стороны уселся вождь Хан-горо, с другой – робко пристроился Язаки. Вождю подали здоровенную кружку ячменного чанго, а Язаки – крохотную чашку с подсоленной водой в знак того, что его, как слабого игрока, презирают настолько, что не хотят с ним пить даже соленую воду. Подсказывать ему что-либо уже не имело смысла. Хоть бы просто быстро бросал, думал Натабура. Надо полагаться только на случай и на самого себя.

– Кто из ёми хочет уподобиться духам?! – спросил вождь Хан-горо.

Из толпы выступили Такаудзи в образе монаха Бэнкэя и Антоку с неизменным луком в руках.

– Мы!!!

– Знаете ли вы правила пяти царей Ва?!

– Знаем!!! – ответили они в один голос, и толпа ревом поддержала их. – Не прощать, не щадить, не давать спуска!!!

– Еще?

– Играть честно!

– Еще?

– Да покарает нас Богиня Амагэрасу – Богиня солнца, если мы солжем!

– Итак! – резюмировал Хан-горо, когда все стихли. – Вы отправляетесь в мир духов! Да сопутствует вам удача! – С этими словами он дал каждому из троих выпить из чаши волшебный напиток.

Ёми возрадовались, когда Натабура делал глоток. Но очень странно: не искренно, а словно с тайным злорадством – вот ты и попался! А когда Натабура с удивлением оглянулся, то ни Антоку, ни Такаудзи уже не было. Не было и ёми. Вообще ничего, кроме жгучего интереса – в какой комбинации выпадут камни. Это чувство не покидало его до самого последнего момента, пока не раздался грохот – камни упали после чет-нечет, в котором выиграл вождь Хан-горо. Прежде чем они перекатались через горы, долины и реки, он уже был там – словно одной ногой ступил в запредельный мир. Он наблюдал, как все затаили дыхание в ожидании комбинации, и одновременно увидел налево восемь дорог, прямо – три, направо – девять. Какую из них выбрать? Впрочем, он не имел выбора, ибо Язаки от волнения выбросил всего-навсего комбинацию два и один.

Первая стрела запела, не успел Натабура высунуть носа из каменного Будды. Он хотел пробежать по одной из девяти дорог, чтобы побыстрее попасть в глиняную крепость на перекрестке – сукуба-мати, которая преграждала путь к главной цитадели – курува, но не смог сделать и трех шагов, как распластался в пыли – рукоятка кусанаги больно тюкнула по затылку. Стрела ударилась о Будду и с треском расщепилась. К тому же Натабура не запомнил, из какой его части он выскочил – из Черного Права или из Светлого Лева. Скорее справа – потому что землистокочие кэри, похожие на ёми, как двоюродные братья, полезли следом, размахивая мечами. Одно утешило – еще не наступило их время. Кроме демонстрации мечей, они ничего не предприняли, а только устрашающе корчили рожи, не смея ступить на Землю – пока вождь Хан-горо расчетливо руководил действиями Антоку. И слава Будде!

Язаки же не просчитывал ходы, а просто выбрасывал комбинации в случайном порядке – как получится. Вторым ходом выпало девять, и Натабура теперь мог выбирать позицию на расстоянии девяти кэн. Он скатился в траву на обочину, здраво рассудив, что, во-первых, кэри пока двигаться запрещено, а во-вторых, что стрелок занял позицию на холме. А холм всего один – как раз над девятью дорогами, стало быть, стрелка можно было бы контролировать, если бы... если бы... если бы Язаки все делал правильно. Третий раз то ли он поленился, то ли, напротив, постарался вождь Хан-горо, только кэри покинули Будду и устремились в погоню. Натабура бросился к единственному мосту через реку Забвения – Тонуэ. Он чувствовал, что где-то здесь притаился Такаудзи, но пока не видел его.

У моста землистокочие кэри почти догнали его. Их оказалось четверо, демонического вида – лупоглазые и шишкастые. У одного уши – как у осла, у другого нос – как у обезьяны, у третьего огромные медвежьи лапы вместо рук, а четвертый отличался непомерно длинными, как у кузнечика, ногами. На пальцах у него были огромные когти. Кэри прежде всего полагались на устрашение. Впрочем, они были столь медлительны в бою, что с ними мог справиться и ребенок. Они ничего не сумели понять, так как помнили Натабуру маленьким и глупым зверенышем, с помощью которого мечтали извести учителя Акинобу. Даже их мечи против голубого кусанаги оказались хрупкими, как стекло. Брызнула черно-зеленая кровь – как и у всех демонов. Каменный Будда безразлично взирал на бойню. Но убить настоящего кэри было только половиной дела. С каждой новой смертью они только набирались силы и увеличивались в размерах. А сила их заключалась не в ловкости, а в тупой настойчивости.

И тут он первый раз ошибся – замер на мгновение, уставившись на груды изрубленных тел, которые катились в быструю реку Тонуэ. Тут же вторая стрела запела в воздухе, чтобы ударить его прямо в грудь, но даже занятый демонами Натабура успел заметить блеск наконечника в тот миг, когда Антоку отпустил тетиву: «Жих!» И в последний момент неуклюже отбил цубой. На большее времени не было. Сильная боль пронзила запястье, и кусанаги упал в траву.

Натабура скатился еще ниже, к реке Тонуэ. Благо на пятом шаге он получил свободу и побежал, прижимая руку к животу. Рот наполнился кислой, вязкой слюной, а в голове застучали знакомые молоточки в преддверии слабости. Теперь Антоку вовсе не скрывался, а поднялся во весь рост и посылал в его сторону стрелу за стрелой. С расстояния в два тэ он мог бить наверняка. Стрелы пели на излете: «Жих! Жих! Жих!» И каждый раз Натабура испытывал холодок в животе, к которому невозможно привыкнуть. Теперь события развивались стремительно из-за того, что Язаки с Хан-горо в азарте кидали камни. Видать, Язаки был в ударе, а вождь спешил разделаться с Натабурой, пока тот не наделал дел.

Если бы Натабура бежал по прямой, Антоку не составило бы труда подстрелить его, но Натабура перемещался по большой дуге. Хорошо еще, что, похоже, Антоку не имел права сходить с холма.

На каком-то очередном броске Натабура нашел вымоину и скатился в нее, попав в колючий чихарахэа с красными пушистыми головками. Рука ныла. Удар оказался настолько сильным, что запястье распухло. Превозмогая боль и обливаясь потом, Натабура плотно обмотал ее полоской ткани от подола рубахи. А затем осторожно достал кусанаги. Правая рука сносно держала нагрузку, но для боя не годилась. Предстояло драться левой, но Натабура не был уверен, что левой рукой у него получится так же, как и правой. Хорошо еще, что он мало ел: хуже некуда бегать с полным животом. В следующий момент он услышал всплеск. Кто-то крался ниже, у реки, отрезая путь к глиняной крепости сукуба-мати. Сам не зная почему, Натабура понимал, что ему надо попасть именно в крепость. Эту загадку ему предстояло решить походя, потому что на большее времени не было.

Натабура раздвинул колючие стебли чихарахэа. «Вдруг я ошибся, – подумал он, – наму Амида буцу!⁴ – и все не так плохо». Теперь кэри стало не четверо, а два с половиной: в спешке они неправильно сложились. Первый представлял собой гиганта из двух кэри. У него имелись четыре ноги, три руки и две головы. А меч, которым он размахивал, оказался под стать росту. Таких демонов называли гэтси. Они были душами двух самураев, которые из ненависти убили друг друга на развилке дорог, а их души так переплелись, что не могли разделиться и в мире мертвых.

Вторым был мэтси – состоящий из двух половинок тех самураев, которые приходились друг другу не врагами, а, наоборот, любовниками-друзьями. Таких называли сётами, и они были самыми лучшими бойцами. Если один погибал в битве, второй делал себе сэппуку – вспарывал живот.

Третьим оказался рэтси – обыкновенное собакообразное существо, единственным оружием которого служили зубы. В человеческой жизни рэтси были тюгенами – слугами ронинов и находились так низко в иерархии Нихон, что питались вместе со свиньями, не имели права отгонять их от своей чашки и жили в загонах для скота. Из всех троих это существо представляло наибольшую опасность, потому что не знало, что такое самурайская честь и достоинство, к тому же оно обладало столь ядовитой слюной, что ее использовали в боевых действиях. Но в обыкновенном человеческом обществе достать ее было крайне трудно. Существовала каста специальных людей – инуои, которые отправлялись в Правый Черный Лабиринт в поисках рэтси. Мало кто из них возвращался, но те, кто сумел это сделать, за одну ходку становились очень богатыми, и поэтому охотники рискнуть не переводились.

Всех троих не остановило даже то, что Натабура разделался с кэри играючи. Они не ведали страха. Гэнси, мэтси и рэтси шли на запах. Ни мгновения не колеблясь, бухнулись в реку Тонуэ, полную зубастых чудовищ – минги. Ряска облепила конечности гэтси и мэтси, а рэтси плыл, как собака, загребая лапами. Вмиг их окружило не менее десятка минги. Вода взбурлила и окрасилась черно-зеленой и красной кровью, шум битвы поглотил все остальные звуки.

---

⁴ Преклоняюсь перед Буддой Амида!

Натабура уже предвкушал победу минги, как из реки, оставив в ней по паре рук, ног и все четыре головы, выбрался огромный Биру, глупый демон страха и ненависти – с четырьмя ногами, с четырьмя руками, с длинным рогом на зубастой голове, позаимствованной у минги, с зеленым чешуйчатым панцирем, с ядовитой слюной рэпси, с огромным-огромным прямым мечом в одной руке и таким длинным дайкю в другой, что Натабура вначале принял его за мачту корабля. К тому же у Биру появился длинный хвост, на конце которого была булава и которым он щелкал, как пастух кнутом, и, поводя им из стороны в сторону, разбрасывал камни, кромсал деревья и кусты. С таким монстром справиться казалось невозможно. Биру приходился полубратом одиннадцатиликой богине зла Каннон. Древняя легенда гласила, что Биру возрождается после битвы с сильнейшим противником и становится бессмертным, потому что у него нет крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.